

На правах рукописи

Чернышева Елена Викторовна

**СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ЗЕМСКИХ СЛУЖАЩИХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1860-х – 1914 годы)
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение и
методы исторического исследования»

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Челябинск – 2011

Работа выполнена на кафедре регионоведения России и стран СНГ ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького»

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор
Камынин Владимир Дмитриевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор
Мохначева Марина Петровна

доктор исторических наук,
профессор
Скипина Ирина Васильевна

доктор исторических наук,
профессор
Смирнов Сергей Сергеевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Пермский
государственный университет»

Защита состоится «14» октября 2011 г., в 12–00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 244).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «8» сентября 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

 М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Среди исследовательских проблем, которые в новейшее время выдвинулись на авансцену российской исторической науки самым ходом общественного развития нашей страны, несомненно, являются проблемы, связанные с историей земского самоуправления. Их научное значение определяется важностью для внутривополитического развития современной России тех вопросов, которые решались в стране во второй половине XIX – начале XX в., а именно: начало формирования гражданского общества и правового государства, создание эффективной системы местного самоуправления.

Следует признать, что в демократическом государстве, каким является современная Россия, до сих пор не построена действенная система местного самоуправления, которая бы обеспечивала стабильное осуществление мероприятий социального, экономического и культурного характера, а также гарантировала бы истинное, а не формальное участие населения в местных делах. В этой связи опыт деятельности земских учреждений, а также земских служащих основных специальностей – учителей, медицинских работников, статистиков, установление их роли в развитии местного социума, в общественно-политических и культурных процессах может представлять несомненный интерес не только для выявления традиций местного самоуправления, но и шире – для определения потенциала отечественной демократии.

Кроме того, современные исследователи обращают внимание на то, что возникающие в результате постсоветских социально-экономических изменений новые социальные группы до сих пор находятся в процессе поиска собственного стиля поведения и новых культурных эталонов для подражания, на основе которых можно было бы выстроить свою социальную практику. При этом они, как правило, заимствуют готовые образцы поведения¹. Такие образцы могут быть почерпнуты из разных источников: прошлого нашей страны, культуры других обществ, как исторических, так и современных.

Сделанное замечание справедливо и в отношении земских служащих. Земские врачи, учителя, статистики – олицетворяли собой образ классического русского интеллигента с его высокой духовностью и общественным служением. Рассуждая об этой социальной группе, мы невольно примеряем к нынешней ситуации культурные мерки прошлого. Ответ на вопрос, насколько этот образ, его критерии, а также соответствующий ему стиль поведения адекватны современным реалиям, требует, прежде всего, подробного рассмотрения исторических условий его формирования. Обращение к этой проблематике позволит по-новому взглянуть на феномен земского самоуправления и его роль в процессе политической модернизации российского общества.

¹ Ионин Л.Г. Инсценировки в культуре // Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 201–228.

Пореформенное российское символическое пространство* пополнялось номинациями, отражавшими происходившие в стране общественные изменения. «Земские служащие» попали в зону пересечения с такими понятиями, как «земская интеллигенция» и «третий элемент»**. Уже в начале XX в. эти понятия воспринимались многими современниками как синонимы, хотя ряд исследователей пытались провести между ними смысловые границы.

Историография земских служащих является составной частью общей проблемы, связанной с изучением процесса построения в России второй половины XIX – начала XX в. общества и государства современного типа, в том числе развития независимых демократических институтов и формирования массовой политики. Проводимое исследование позволит не только обобщить опыт изучения истории земских служащих на протяжении более чем столетнего периода, но и даст возможность выявить основные закономерности, тенденции, положения, выводы, методические приемы, используемые в разработке значимой общественной группы; продемонстрировать достижения отечественной историографии в плане реконструкции исторической действительности, в частности, эволюции представлений о формах социального и политического выражения земских служащих, воссоздания логики их действий, и, наконец, определить насущные задачи дальнейшего развития исторической мысли.

Актуальность темы представленного исследования определяется также слабой историографической изученностью многочисленной литературы, посвященной истории земских служащих. На всем протяжении развития отечественной историографии по проблеме (вторая половина 1860-х – начало 2000-х гг.) разработкой истории земских служащих занимались как профессиональные ученые, так и писатели, публицисты, общественные и государственные деятели. Спектр мнений о земской интеллигенции колебался от апологетики до отрицания ее положительной роли и значения в истории местного самоуправления.

Цель данного исследования состоит в комплексной реконструкции процесса накопления знаний в отечественной историографии по истории земских служащих как новой социальной группы, возникшей в результате политических и социально-экономических изменений в пореформенной России. Ее реализация будет способствовать преодолению «обезличивания» и схематизма в процессе российской модернизации, даст возможность изучить культурный мир значимой общественной группы, а также позволит уточнить особенности формирования групповой идентичности.

Автор диссертации ставит перед собой следующие основные исследовательские задачи:

* Под таковым подразумевается вся совокупность идей, понятий, выраженных в словах или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения.

** «Третий элемент» — условное название земских вольнонаемных служащих, в отличие от администрации («1-й элемент») и земских гласных («2-й элемент»). Впервые термин появился в литературе в 1900 г.

— определить исторические условия становления и развития отечественной историографии земских служащих, а так же факторы, которые оказывали воздействие на изучение проблемы;

— систематизировать историографические источники, созданные в определенных культурно-исторических реалиях, в контексте корпоративных ценностей и исследовательских традиций;

— рассмотреть эволюцию жанров историографических источников на различных этапах развития исторической науки в нашей стране для установления прерывности или непрерывности историографической традиции по данной проблеме на протяжении второй половины XIX – начала XXI вв.;

— реконструировать основные теоретико-методологические подходы, с позиции которых исследователи изучали положение, статус и общественную деятельность земских служащих и их основные профессиональные группы;

— выявить основную научную проблематику различных жанров историографических источников;

— провести анализ источниковой базы исследований по истории земских служащих и перспектив её дальнейшего расширения;

— подвести итоги исследования основных проблем истории земских служащих, обозначить перспективные направления её дальнейшего изучения.

Объектом исследования в диссертации является комплекс разнообразных по своим жанрам историографических источников, среди которых основную часть составляют научно-исследовательская, публицистическая, мемуарная и художественная литература, посвященная истории земских служащих.

Автор диссертации придерживается расширенного взгляда на объект историографического исследования, который включает в него изучение процесса распространения исторических знаний в обществе и отражения прошлого в произведениях литературы и искусства. По мнению одного из сторонников данного подхода академика РАО С.О. Шмидта, «если историческими источниками допустимо признать все, что может источать историческую информацию (т.е. информацию исторического характера, полезную для работы историка), то историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений»². Произведения литературы и искусства известный российский ученый считает «важным источником для понимания менталитета времени их создания и дальнейшего бытования...»³.

Разделяя данный подход, укажем, что он позволяет существенно расширить объект нашего исследования, прежде всего для дореволюционного периода развития отечественной историографии, за счет включения в него не только трудов профессиональных историков, но также публицистики, мемуаристики и художественной литературы. По нашему мнению, анализ разнообразных жанров историографических источников может приблизить нас к адекватному

² Шмидт С.О. Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 92.

³ Шмидт С.О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Шмидт С.О. Путь историка. С. 115.

представлению об уровне, направленности и особенностях развития отечественной общественной и научной мысли по проблеме земских служащих на разных исторических отрезках времени.

Предметом исследования является сложившаяся историографическая традиция изучения социального облика и общественной деятельности земских служащих, которая включает в себя проблематику и концептуальные основы трудов на эту тему; мнения, оценки, положения и выводы ученых, публицистов, писателей, а так же самих участников происходивших событий. Изучение темы исследователями рассматривается в динамике: анализируется расширение источниковедческого пространства, оценивается эффективность теоретических подходов и методов, которые использовались в ходе изучения темы, выделяются основные этапы разработки проблемы с учетом как внешней ситуации, то есть воздействие государства на научные изыскания, так и внутренних условий, выразившихся в особенностях менталитета и профессиональной культуры исследователей, принадлежавших к различным поколениям отечественных историков. Главными сюжетами историографического анализа стали проблемы формирования и функционирования в России во второй половине XIX – начале XX в. земских служащих как новой социальной группы, обладавшей высокой степенью общественной активности, разрабатывавшей новые культурные нормы и стремившейся внести изменения в существовавшую практику социальной жизни русского крестьянства. При этом были учтены представления земских служащих о самих себе, их самосознании и самоидентификации в социальном пространстве.

Хронологические рамки работы определяются спецификой проблемной историографии и имеют два уровня. Первый вытекает из самой исторической проблемы и охватывает период с 1864 по 1914 гг. Начальная грань связана с обнародованием Положения о земских учреждениях и появлением земских вольнонаемных служащих. Конечной гранью является 1914 г. – полувековой юбилей земской реформы и одновременно начало Первой мировой войны, которая привела к изменениям в характере и масштабах деятельности земств и их служащих. Кроме того, ограничение конечной грани хронологического периода обусловлено накоплением по нему огромного историографического наследия.

Второй уровень хронологических рамок: вторая половина 1860-х гг. – начало XXI в. обусловлен сквозным рассмотрением отечественной историографии истории земских служащих (дореволюционной, советской и постсоветской), т.е. весь процесс её становления и развития.

Территориальные рамки диссертации в историографическом отношении охватывают административные границы Российской империи, СССР, Российской Федерации, в которых на протяжении второй половины XIX – начале XXI в. издавалась анализируемая литература.

Степень изученности проблемы. Историографических работ, в которых история земских служащих стала бы объектом специального исследования, немного.

В дореволюционных изысканиях этой проблемы касались в основном опосредованно в связи с рассмотрением начавшегося по горячим следам изучения истории земства. Можно выделить работы А.А. Головачева, Г.А. Джаншиева,

А.А. Кизеветтера, А.А. Корнилова, а также 6-ти томный исторический сборник «Три века. Россия от смуты до нашего времени», последний том которого посвящен XIX – началу XX вв. В этих изданиях исследователи кратко останавливались на взглядах своих предшественников.

Историографические фрагменты по проблемам земских служащих содержались в литературе по истории общественной мысли и освободительного движения в России второй половины XIX – начала XX в. Интерес представляет монография С.Г. Сватикова⁴, в которой с социал-демократических позиций доказывалось, что в земствах с конца 1860-х гг. формировалось сильное конституционное движение, в котором активную роль играли земские служащие. При этом автор давал оценку материалов, опубликованных в эмигрантской и российской нелегальной периодической печати.

Особую группу составляли исследования, принадлежащие перу правоведов (В.П. Безобразов, А.И. Васильчиков, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, М.И. Свешников), в которых велась разработка вопросов государства и права, теории самоуправления и, наряду с этим, излагались позиции других ученых.

В дореволюционное время были сделаны первые попытки написания историографических исследований по истории земства. Н.Н. Авинов дал своего рода обзорную статью по всем вопросам истории деятельности земств и их служащих за 40 лет с выделением публикаций ведущих исследователей⁵.

Попытку осмыслить научную литературу о местном самоуправлении в историографическом плане до 1917 г. предпринял П.П. Гронский. Его главная мысль заключалась в отрицании самостоятельности научного творчества русских ученых в данной области. Автор утверждал, что в учении о сущности самоуправления «русская наука шла по стопам германской теории»⁶. Это ошибочное заключение сводило на нет большое самостоятельно выработанное научное наследие русской историко-юридической мысли.

Во многом историографический характер носило изыскание Б.Б. Веселовского, в котором представлен подробный указатель литературы по земским вопросам⁷. Автор дал оценку периодике, как историографического источника по истории земств и их служащих. Им было привлечено свыше 40 печатных изданий. Выступая защитником земской интеллигенции от нападок со стороны консервативной печати («Московские Ведомости», «Гражданин») он стремился показать непоследовательность и субъективизм в оценках ее представителей.

Одной из дискуссионных тем в русской общественно-политической мысли, нашедшей отражение в периодике и в научной литературе, была постановка вопроса о мелкой земской единице. Её создание позволило бы, по убеждению демократов и части либералов, не только поставить земство на прочный

⁴ Сватиков С.Г. Общественное движение в России: (1700–1895). Ростов-на-Дону, 1905.

⁵ Авинов Н.Н. Опыт программы систематического чтения по вопросам земского самоуправления. М., 1905.

⁶ Гронский П.П. Теории самоуправления в русской науке // Юбилейный земский сборник / Под ред. Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. СПб., 1914. С. 77.

⁷ Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: В 4-х т. СПб., 1909–1911. Т. I. С. 594–628; Т. IV. С. 1–104.

фундамент, максимально приблизив его к населению, но и привлечь к участию в его работе широкие круги интеллигенции. Историографические итоги полемики о мелкой земской единице нашли отражение в статьях И.В. Гессена, М. Ипполитова, М.К. Лемке⁸.

В новейшей историографии взгляды дореволюционных исследователей по истории земских служащих не стали предметом специальных разработок. Правда, в изысканиях В.А. Горнова, Л.Е. Лаптевой, А.Н. Верещагина, В.А. Кувшинова дается оценка ряда дореволюционных работ по земской тематике⁹. Однако в целом, дореволюционная литература по истории земских служащих не получила оценки на обобщающем уровне.

Значительно больше было сделано в оценке работ советских исследователей, посвященных земской тематике. Начало этому было положено содержательной статьей В.В. Гармизы¹⁰.

Е.Г. Корнилов дал обзор и оценку работ представителей советской историографии, посвященных истории земства и земской интеллигенции¹¹. Основное внимание автор уделил анализу изысканий советских историков земства послевоенного периода. Он обратил внимание на появление с конца 1950-х гг. региональной историографии земства, у истоков которой стоял пермский ученый М.И. Черныш, издавший монографию «Развитие капитализма на Урале и Пермское земство»¹². Автор указывал, что после её выхода появились работы Н.Л. Клейн, Т.Н. Львовой, А.Н. Лиленковой, Л.М. Панковой, И.И. Стефановой по истории земских учреждений ряда губерний России.

Особую группу историографической литературы составляют публикации, в которых непосредственно давалась оценка взглядов советских историков по истории земской интеллигенции, вышедшие в 1970-х – конце 1980-х гг.

Историографические фрагменты о земской интеллигенции содержались в статье Т.П. Прокофьевой¹³, в которой давалась характеристика наиболее крупных и известных работ как дореволюционных, так и советских исследователей. Что

⁸ Гессен И.В. Вопрос о мелкой земской единице в литературе до 1901 г. // Мелкая земская единица. Сб. ст. В 2-х т. СПб., 1902–1903. Т. I. С. 351–373; Лемке М.К. Вопрос о мелкой земской единице в литературе 1901–1902 гг. // Там же. С. 374–395; Ипполитов М. Вопрос о мелкой земской единице в литературе (апрель 1902 – июль 1903 гг.) // Там же. Т. II. С. 202–239.

⁹ Горнов В.А. Историография истории земства России: отечественные исследования второй половины 1940-х – начала 1990-х годов. Рязань, 1997. С. 9–26; Верещагин А.Н. Земское самоуправление в трудах русских ученых // Вестник Российской академии наук. Т. 66. М., 1996. № 7. С. 636–644; Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С. 5–21; Кувшинов В.А. Отечественная историография истории земства в России // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт. Материалы научной конференции, посвящённой 135-летию организации Вятского земства. Киров, 2002. С. 3–6.

¹⁰ Гармиза В.В. Земская реформа и земство в исторической литературе // История СССР. 1960. № 5. С. 82–107.

¹¹ Корнилов Е.Г. Проблемы истории земства в советской исторической литературе // Историографический сборник. Вып. 4. Саратов, 1978. С. 52–71.

¹² Корнилов Е.Г. Проблемы истории земства в советской исторической литературе. С. 56.

¹³ Прокофьева Т.П. Земские служащие в Московской губернии в конце XIX – начале XX века (численность, состав, материальное положение) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 118–133.

касается оценки дореволюционной историографии проблемы, то автор уделила основное внимание представителям «либерального» направления, к которому она причисляла И.П. Белоконского, Л.Д. Брюхатова, Б.Б. Веселовского, которые отмечали выдающееся значение «третьего элемента» в жизни земства и в освободительном движении в России. Большую часть своей публикации автор посвятила обзору изысканий по истории земской интеллигенции, написанных в советское время: в 1920–70-е гг. В них Т.П. Прокофьева выделила два аспекта: деятельность земской интеллигенции в области здравоохранения, образования, статистики; место и роль земских служащих в революционном движении. Основное внимание в этом плане ей было обращено на работы Е.Г. Корнилова и А.В. Ушакова. По оценке исследовательницы, в советской литературе вопрос об участии земской интеллигенции в революционном движении всесторонне разработан не был¹⁴.

К аналогичному выводу пришел историк Н.А. Арнольд. Он писал, что исследование деятельности земств и их служащих «находится в настоящее время на этапе накопления материала и его первоначальной обработка», по целому ряду проблем, в том числе, о роли и месте земской интеллигенции в деятельности земств, не выработано единство мнений¹⁵.

В новейшее время крупной работой, где рассматривается советская историография истории земства, является монография В.А. Горнова, где имеется специальный параграф, посвященный земской интеллигенции¹⁶. Особенностью ее является то, что она носит полемический характер, поскольку автор, излагая взгляды ведущих советских исследователей истории земской интеллигенции, обосновывает свою точку зрения на проблему. К сожалению, серьезным недостатком его изыскания является то, что он оценивает реально только концепции четырех представителей советской историографии: Е.Г. Корнилова, В.Р. Лейкиной-Свирской, Н.М. Пирумовой и А.В. Ушакова. Подводя итоги, В.А. Горнов пишет, что советская историография не обошла вниманием историю земской интеллигенции, дав науке ряд профессиональных трудов по данной теме¹⁷. В то же время, он указывает на недостаточность изучения её в период после первой русской революции, а также гипотетичность многих положений по данному вопросу.

Гораздо больше внимания современные историографы уделяют изучению в литературе проблемы генезиса российской интеллигенции в целом, выявлению общих вопросов теоретического и философского характера при ее рассмотрении. Первыми в этом ряду являются публикации А.Е. Корупаева¹⁸. Поставив перед собой задачу, прежде всего, систематизировать историографический материал по проблемам интеллигенции за более чем вековой период ее истории, автор уделит главное внимание культурологическому аспекту тему. Им раскрываются такие вопросы, как: история разработки понятия «интеллигенция», «интеллект и

¹⁴ Прокофьева Т.П. Земские служащие в Московской губернии. С. 133.

¹⁵ Арнольд Н.А. Из истории изучения земств России: (60–80-е гг. XIX в.) // Социально-экономическое развитие Поволжья в XIX – начале XX века. Куйбышев, 1986. С. 20.

¹⁶ Горнов В.А. Историография истории земства России. Рязань, 1997. С. 40–46.

¹⁷ Горнов В.А. Историография истории земства... С. 45.

¹⁸ Корупаев А.Е. Российская интеллигенция. Историография рубежа 80 – 90-х годов XX века. М., 1994; Он же. Очерки интеллигенции России. В 2-х ч. М., 1995.

интеллектуальный потенциал интеллигенции», «взаимосвязь интеллигенции и интеллигентности», «историко-культурный аспект полемики вокруг Вех» и др. Автор не анализирует разработку отечественными историками конкретных проблем земской интеллигенции. В то же время, он приходит к заключению, что различные методологические подходы к определению «интеллигенция» дают неодинаковые результаты по определению ее численности на основании одного источника – Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.¹⁹

Во многом обзорный характер носит работа Е.И. Самарцевой. Своей целью автор поставила «историографическое (с элементами перспективно-библиографической информации) исследование проблемы генезиса российской интеллигенции»²⁰. По мнению историографа, существенным моментом на пути к современному этапу интеллигентоведения стали работы ряда советских исследователей, которые в 1960–1980-е гг. «буквально «воскресли» многогранную проблему интеллигенции и начали процесс ее возвращения из политико-пристрастных сфер в русло исторической науки. Е.И. Самарцева полагает, что современные исследователи получили дополнительные возможности для полноценного анализа историко-философских концепций интеллигенции, поскольку «разорванность» исторической мысли России и Запада преодолена. Тем не менее, проблемы генезиса земской интеллигенции в ее изыскании не затрагиваются.

Одним из видных исследователей проблем интеллигенции на современном этапе развития отечественной исторической науки является В.С. Меметов. В его совместном с А.А. Даниловым труде, выделен специальный параграф, посвященный историографии проблемы интеллигенции провинции²¹. Интерес представляет проведенный ими анализ дискуссий 1920-х гг. по проблемам интеллигенции. По мнению историков, особенностью этих дискуссий, а также публикаций, вышедших в то время, стало отсутствие жесткой идеологической заданности в оценках авторов. Характеризуя историографию постсоветского периода истории интеллигенции, исследователи констатируют, что она находится на стадии своего становления, о чем говорит «отсутствие комплексных обобщающих работ»²².

Таким образом, имеющаяся историографическая литература, в которой в той или иной степени рассматриваются работы по истории земских служащих, не позволяет судить о достаточной изученности проблемы. На сегодняшний день можно говорить лишь об отдельных попытках оценки воззрений ряда дореволюционных и советских авторов по истории земских служащих. Остаются открытыми важные вопросы историографического характера, среди которых и главное – удалось ли исследователям создать достоверную картину истории земских служащих? Как происходил процесс накопления исторических знаний об основных профессиональных отрядах земской интеллигенции в разные периоды изучения их общественного самовыражения? Имеющиеся к настоящему времени

¹⁹ Коруцаев А.Е. Очерки интеллигенции России. Ч. II. С. 9.

²⁰ Самарцева Е.И. Историографический эскиз проблемы генезиса отечественной интеллигенции (Россия. Русское зарубежье. XX век). Тула, 1997. С. 4.

²¹ Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и культуре России. Ч. I «Историография проблемы». Иваново, 1997. С. 11–57.

²² Данилов А.А., Меметов В.С. Интеллигенция провинции в истории и культуре... С. 35.

историографические публикации не позволяют ответить на эти вопросы. В этой ситуации представляется необходимым подвести итоги развития отечественной историографии истории земских служащих.

Источниковая база данной работы представлена комплексом разнообразных историографических и исторических источников, которые в своей совокупности должны обеспечить работе репрезентативность и научную достоверность. Использованные в диссертации историографические источники делятся на три группы: 1) научные работы, издания библиографического характера и справочно-энциклопедическая литература; 2) публицистическая, мемуарная и художественная литература, созданная непосредственными очевидцами или участниками событий; 3) источники по истории развития исторической науки в изучаемый период.

Основную группу образует научная историческая литература о земстве и земских служащих (врачах, учителях, фельдшерах, статистиках). Она различается как по жанрам (монографии, коллективные работы, брошюры, статьи, диссертационные исследования), так и по характеру (те работы ученых, которые посвящены специальному рассмотрению темы, и те их труды, в которых тема затрагивается лишь попутно, в связи с освещением других сюжетов). При анализе также привлечены работы по истории общественно-политического движения в России конца XIX – начала XX вв., которые имеют отношение к истории политической деятельности представителей земской интеллигенции.

В целом научная литература – это огромный и разноплановый комплекс работ. Нами привлечено свыше 200 монографий, сборников статей, учебных пособий, более 500 отдельных статей (не считая десятков статей, входящих в сборники), около 100 авторефератов диссертаций. Научные работы неравноценны по своему значению. Поэтому степень использования каждой из них неодинакова – от простого упоминания в сноске до обстоятельного анализа. Главное внимание обращалось на исследования, оставившие заметный след в историографии новизной постановки проблемы, теоретико-методологических подходов к изучаемым процессам, глубиной анализа источников; оказавшие влияние на работы современников и последующие труды; положившие начало разработке того или иного вопроса, а также на те из них, которые могут привлечь внимание специалистов в будущем.

Докторские и кандидатские диссертации, защищенные в советское и постсоветское время, относятся к важным историографическим источникам. Первое из известных нам диссертационных исследований, в котором освещались вопросы быта и культурной деятельности представителей одного из профессиональных отрядов земских служащих – учителей начальных школ увидело свет в 1945 г. На сегодня мы располагаем сведениями о 90 диссертационных исследованиях, защищенных по историческим наукам, в которых в той или иной мере затрагивались вопросы социального облика, общественной и практической деятельности земских служащих.

Ценным жанром историографических источников являются материалы научных конференций, на которых в концентрированном виде выражены взгляды и выводы отечественных историков по проблемам истории земств и их служащих.

В совокупности этот жанр историографических источников помогает определить основные тенденции общероссийской и региональной научной мысли в исследовании интересующих нас вопросов; обратить внимание на недостаточно полно рассмотренные темы, а также выявить круг авторов, занимающихся изучением проблемы.

Издания библиографического характера и справочно-энциклопедическая литература позволяют проследить степень библиографической обеспеченности темы и современный уровень библиографирования исторической литературы по истории земских служащих, а также степень отражения различных аспектов темы в изданиях справочного характера: энциклопедиях, справочниках, словарях. На сегодняшний день нет издания, в котором была бы представлена полная библиография отечественной литературы по истории земств и их служащих. В лучшем положении находятся работы дореволюционных авторов, которые были систематизированы в ряде библиографических трудов.

Литература справочно-энциклопедического характера по изучаемой проблеме представлена, прежде всего, российской универсальной энциклопедией Брокгауза и Ефрона. В новейшее время выходят биографические справочники по политическим деятелям России конца XIX – начала XX вв.

В качестве источников, характеризующих научное сообщество исследователей истории земств и земской интеллигенции с точки зрения его социально-демографического состава, были изучены биобиблиографические справочники и указатели, содержащие информацию о возрастном, образовательном и профессиональном уровне отечественных историков²³.

Из второй группы историографических источников для данной диссертации особый интерес представляет публицистическая литература, созданная современниками событий. По нашему мнению, именно на ее страницах зародились и получили первое обоснование основные подходы к истории земских служащих. Кроме того, она отражала не только общественные настроения, но и основные тенденции развития исторической науки и, как показывает настоящее исследование, оказывалась во многом сходной с профессиональной историографией в плане тех принципов, согласно которым выстраивались представления о земских служащих и их роли в истории земств и в общественном движении в России. Использование публицистики в качестве историографического источника объясняется также тем, что исследователями земства были не только ученые, но и активные земские деятели, в том числе служащие (И.П. Белоконский, А.В. Пешехонов, В.С. Голубев, Д.Н. Жбанков, Е.А. Звягинцев, С.Н. Игумнов и др.). Подобно научной литературе публицистические материалы можно подразделить по жанрам (брошюры, статьи), характеру (работы, посвященные специальному рассмотрению темы, и труды, затрагивающие ее мимоходом).

Большое значение в диссертации отводится использованию мемуаров в качестве историографических источников. Преимущественное значение для нас имеют те из них, которые были написаны непосредственно самими земскими

²³ Чернобаев А.А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. В 2-х т. Саратов, 2005; Историки Урала XVIII–XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 2003 и др.

деятелями, как цензовыми, так и служившими в земстве по найму, и специально посвященные истории земства и земских служащих. Именно в данной группе авторов стимулы мемуаротворчества, прямо порожденные непосредственной причастностью с земской деятельностью, были раскрыты наиболее отчетливо.

Воспоминания земских служащих являются доказательством уяснения ими своей социальной значимости и той роли, которую они играли в общественной жизни и в развитии земского хозяйства. В них можно заметить чувство превосходства над цензовыми гласными, которое основывалось на вере в идеалы народничества и близости к крестьянству. В мемуарном творчестве наибольшую активность проявляли земские учителя и деятели по народному образованию. Нам удалось выявить 27 воспоминаний, принадлежащих их перу; врачи являлись авторами 22 мемуарных текстов; статистики – 16. Однако если для земских врачей были характерны развернутые жизнеописания, то у учителей количественно преобладали мелкие формы мемуарного творчества – тематические, фрагментарные описания и подборки на определенную тему главным образом о сельской школе и учительском быте. В корпусе мемуаров земских статистиков представлено большое количество некрологов – небольших очерков в память умершего товарища. Автобиографическое содержание таких публикаций сильно разнилось. В целом процесс создания мемуарных текстов земскими служащими о себе и о своем времени растянулся почти на 100 лет²⁴.

Весьма важную подгруппу мемуаров составляют воспоминания представителей государственной власти и видных идеологов консерватизма. В них воссоздается закулисная история царствования трех последних представителей Дома Романовых, раскрывается отношение к земству и земским служащим со стороны крупных правительственных чиновников, показывается консервативная стратегия развития местного самоуправления в России.

Если говорить об общих свойствах мемуаристики земства, то можно отметить следующие ее черты: во-первых, подавляющее число воспоминаний уже в момент создания предназначалось к немедленному изданию; во-вторых, мемуары выступали как фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения; в-третьих, показательна высокая степень осознания включенности мемуаристов в общественно-политические процессы, протекавшие в стране. Немалое число мемуаров посвященных земству и их служащим вышли в качестве отдельных изданий. На страницах мемуаров отразились многие характерные тенденции исторического сознания того времени, часто именно в них формулировались концепции, которые впоследствии разрабатывались профессиональными историками. Думается, что указанные обстоятельства позволяют рассматривать мемуары не только как исторический, но и как историографический источник.

Среди множества историографических источников по истории русской интеллигенции художественная литература занимает особое место. В силу определенных историко-политических обстоятельств пореформенного времени, лите-

²⁴ Толстой К.К. Воспоминания земского врача. М., 1876; Перельман С. Памятные встречи. Из воспоминаний старого статистика // Вестник статистики. М., 1970. № 12. С. 38–43.

ратура присвоила себе совершенно особые функции: выполняя религиозно-этическую миссию, она также растекалась в сферу философии, публицистики, политики, принимая на себя «универсальную функцию всеобщего языка культуры»²⁵. Веским доводом в пользу использования художественной литературы, созданной современниками событий, в качестве историографического источника, является то, что образ земского служащего в ней начал формироваться задолго до того, как тема земской интеллигенции утвердилась в отечественной историографии в качестве самостоятельной исследовательской проблемы. Именно художественная литература являлась излюбленной формой интеллигентской саморефлексии, и она же во многом формировала сознание интеллигенции, ее этические нормы и общественные идеалы.

Рассмотренные нами литературные источники представляют собой произведения изящной словесности, которые по времени возникновения современны изучаемым событиям. Авторы – известные писатели – И.А. Бунин, В.В. Вересаев, А.И. Куприн, Г.И. Успенский, А.П. Чехов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.И. Эртель, Н.Н. Златовратский, Н.Г. Гарин-Михайловский и другие. Важной особенностью литературных произведений является их массовость. В представлении большого числа людей литературные герои, подобно реально существовавшим «историческим» лицам, и типизированные литературные образы, подобно реальным историческим явлениям, обретали знаковое значение символов. Они стали основой не только нравственных понятий, но и общеисторических особенностей «исторического» действия, о жизни земской интеллигенции, оценке ее деятельности и значении её опыта. Многие современники воспринимали героев художественных произведений в качестве реальных людей, а литературные персонажи стали типичными, «эталонными» земскими интеллигентами. Созданный писателями сценарий жизни земского интеллигента закрепился в отечественной культурной традиции.

Определенное значение для нашей диссертации имеют документы о деятельности научных учреждений и обществ, которые занимались исследованием, в том числе, истории земства и земских служащих²⁶. Большой интерес представляют воспоминания историков о судьбах исторической науки, о факторах, оказывавших влияние на ее развитие, о своих коллегах по историческому цеху²⁷, а

²⁵ Лотман Ю.М. О динамике культуры // Семиотика и история. Труды по знаковым системам XXV. Вып. 936. Тарту, 1992. С. 21.

²⁶ Бурджалов Э.Н. О состоянии советской исторической науки и работе журнала «Вопросы истории»: Доклад в ИИ АН СССР 19–20 июня 1956 г. // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 81–96; Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 188–205; Власть и историческая наука (о журнале «Вопросы истории») // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 31–66; Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 47–86, № 3. С. 82–112, № 4. С. 65–93, № 5–6. С. 77–106, №7. С. 70–87, № 9. С. 47–77; Институт истории полстолетия назад. Беседа с академиком РАН Ю.А. Поляковым // Отечественная история. 2001. № 5. С. 123–131.

²⁷ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004; Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000; Поляков Ю.А. Корифеи Отечественной исторической науки: Воспоминания. М., 1997; Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между

также публицистические выступления историков²⁸. Эти документы свидетельствуют о том, как развивалась историческая наука в нашей стране, прежде всего в советский период. К сожалению, пока не отложились личные фонды историков, изучавших историю земства и земских служащих.

Спецификой современного историографического исследования является обращение непосредственно к документальному материалу, так как без привлечения достижений источниковедения трудно оценить уровень профессионализма авторов и качество исторических сочинений.

В нашем исследовании использовано несколько видов исторических источников по истории земских учреждений и их служащих, в том числе, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге. Материалы данного архива привлекаются нами для формулирования собственной точки зрения на остродискуссионные вопросы изучаемой проблемы, а также для заполнения наиболее очевидных лакун в изучении истории земских служащих, прежде всего это касается земских статистиков.

Первый вид использованных нами источников составляют законодательные акты. Прежде всего, это «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 и 1890 гг., а также указы, узаконения и распоряжения, непосредственно касавшиеся появления земских служащих, как определенной категории лиц, связанных с «местными пользами и нуждами». Сюда же относятся распоряжения правительства, относящиеся не только к земским служащим, но захватывающие сферу их деятельности. Таково, например, Положение о начальных училищах 1874 г., важное для земских школ.

Второй вид исторических источников представляют делопроизводственные документы. В июле 1902 г. Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел затребовал от губернаторов всех земских губерний доставления подробных списков «служащих по земству не по выбору земских собраний, а по назначению управ и других земских исполнительных органов»²⁹. Списки должны были быть составлены по единой форме. Пришедшие с мест документы дают великолепный материал для характеристики состава и численности земских служащих к началу XX в. Исключение составили учителя начальных земских школ, которые числились за Министерством народного просвещения, и поэтому органы земского самоуправления не могли по формальным причинам включать их в состав своих служащих. Однако ряд уездных земств, не считаясь с подобными соображениями, дали сведения и об учителях.

Важное значение для нашего исследования представляют делопроизводственные документы центральных государственных учреждений, деятельность

собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х гг. СПб., 2004; Тартаковский Б.Г. Все это было... воспоминания об исчезающем поколении. М., 2005.

²⁸ Баткин Л.М. Возобновление истории: Размышления о политике и культуре. М., 1991; Гефтер М.Я. Аутсайдер – человек вопроса. В 2-х т. М., 1996; Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992; Павленко Н.И. Историческая наука в прошлом и настоящем (Некоторые размышления вслух) // История СССР. 1991. № 4. С. 81–99; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое: Полемические заметки. М., 1995.

²⁹ РГИА, ф. 1287, оп. 27, д. 651. «Общее дело о вольнонаемных земских служащих», л. 2.

которых имела отношение к руководству земским делом³⁰. В диссертации использованы также делопроизводственные материалы научных обществ с участием земских служащих, и земских учреждений, прежде всего, материалы земских съездов по различным направлениям работы, которые с относительной регулярностью проводились с начала 1870-х гг. Съезды посвящались проблемам медицины, народного образования, кустарной промышленности и др. Их итоги (доклады, постановления) активно публиковались³¹.

Комплексное использование всех перечисленных видов исторических источников позволяет сравнить и проверить авторские суждения, факты, выводы, дополнить историографическое исследование редкими и малоизвестными подробностями, существенно расширить представления о процессе становления исторических знаний по заявленной проблеме.

Методологической основой данного исследования стал культурно-антропологический подход, который исходит из того, что в основе развития общества лежит духовное начало (культура, быт, обычаи, менталитет, традиции и др.), которое определяет все остальные стороны жизни общества. В центре внимания этого подхода находится личность, как создатель материальных и духовных ценностей.

В историографическом исследовании использование культурно-антропологического подхода позволяет рассматривать процесс научного познания как обусловленный одновременно субъективными (личность автора) и объективными (социокультурная среда) обстоятельствами, с наибольшей полнотой представить социокультурную канву происходивших процессов, учесть наличие объективных и субъективных моментов, микро- и макрофакторов, оказывавших влияние на разработчиков темы. При анализе историографических источников, во-первых, акцентируется внимание не только на научном творчестве, но и на личности исследователя, формирование и деятельность которого протекали в определенных исторических условиях. Во-вторых, большое значение придается пониманию текста историографического источника. Применение культурно-антропологического подхода позволяет увидеть, что историографическое изучение всегда диалогично, поскольку историографический процесс представляет собой диалог двух культур: автора и исследователя текста.

Наше изыскание опирается на представления об историографическом процессе, как процессе системном, изменчивом и относительном, т.е. центральным является понятие культурно-исторической обусловленности познавательных моделей науки и ее базовых концептов. В соответствии с современным науковедческим подходом для осмысления тех или иных концепций и интерпретаций важен контекст, причем не только сам историографический дискурс, но и время, место,

³⁰ Отчет по ревизии, произведенной в 1904 году сенатором Н.А. Зиновьевым. Курское земство. Т. 1–2. СПб., 1904; Материалы по земскому общественному устройству. Издание хозяйственного департамента МВД. В 2-х т. СПб., 1885–1886.

³¹ Жбанков Д.Н. VIII Смоленский съезд земских врачей. М., 1893; Кирьяков В.В. (Василевич В.). Московский съезд представителей Учительских обществ взаимопомощи. 1902, 28/12 – 1903, 6/1. М., 1905; Корженевский С.Е. Девятый съезд земских врачей Смоленской губернии. М., 1895.

условия создания трудов, а также формы и средства интеллектуального общения исследователей³². В связи с этим довольно значительное место в нашей работе отводится тому фону, на котором происходило формирование отечественной историографии истории земских служащих, уделяется внимание также психологии исследователей и культуре их творчества.

Современная методика историографического исследования строится на междисциплинарном синтезе. Это позволяет использовать при анализе историографических источников разнообразные принципы и методы исследования, разработанные в различных научных дисциплинах.

Основополагающими принципами нашего исследования стали историзм, объективность, системный подход.

Реализация принципа историзма предполагает выявление историографических закономерностей различных этапов научного познания, которые проявляются специфически как формирование идей, взглядов, концепций под влиянием объективных условий развития науки и общества, а также отражают субъективные особенности авторов этих теорий. Важная историографическая закономерность – признание того, что периоды накопления фактического материала сменяются периодами его научного обобщения и разработкой теорий.

В современной историографии ведутся споры о применимости принципа научной объективности. По мнению ряда историографов, «объективность» не может являться принципом изыскания, «она выступает целью исследования, к достижению которой стремятся все настоящие исследователи»³³. Мы под объективностью понимаем взвешенность оценок, отказ от обвинений или же превознесения тех или иных исторических персонажей, максимальную «нейтральность» от политических и идеологических пристрастий, хотя при этом осознаем субъективизм, обусловленный современным состоянием исторической науки и мировоззрением исследователя.

Системный подход предоставляет возможности для исследования историографии как определенной системы взглядов на проблему земских служащих. Данный подход заключается в комплексном, целостном использовании всего массива источников, историческом и теоретическом анализе вопросов, изучаемых в литературе.

В современной литературе достаточно полно разработаны методы собственно историографического исследования, под которыми понимается

³² Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // *Одиссей* – 1996. М., 1996. С. 11–24; Корзун В.П. В поисках новой модели историографического письма // *Отечественная историография и региональный компонент в образовательных программах: проблемы и перспективы*. Омск, 2000. С. 4–8; Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX – XXI веков // *Новая и новейшая история*. 2006. № 1. С. 12–22; Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве // *Мир Клио: сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной*. В 2-х т. Т. 2. М., 2007. С. 266–278.

³³ Камынин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX–XXI столетий // *Известия Уральского государственного университета*. № 3 (78). 2010. С. 64.

совокупность мыслительных приемов или способов изучения прошлого исторической науки³⁴. При анализе историографических источников большую помощь оказывает метод целостности, который ориентирует исследователя на необходимость подходить к изучению каждого периода в развитии исторической науки или научного направления как к системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, детерминирующих их изменение.

В диссертации также использовались: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический (компаративный), ретроспективный, метод периодизации и другие, изложенные и обоснованные в трудах отечественных историографов разных поколений³⁵. Будучи актуализированы на материале научно-исторического исследования, они позволяют обеспечить соответствие содержания исследования процедурам, правилам и требованиям современной исторической науки.

В связи с тем, что объект анализа требует привлечения данных, полученных учеными разных, прежде всего, гуманитарных специальностей, в работе применялись познавательные возможности литературоведческих, социологических, культурологических и других концепций.

При исследовании набора всевозможных идентификаций, без которых был невозможен сам феномен земской интеллигенции, чрезвычайно полезными оказались методы «новой социальной истории», которая «выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социологии, описывающих внутреннее состояние общества, его отдельных групп и соотношений между ними»³⁶. Стратегия научного исследования в социальной истории ориентирует на изучение языка, идей, образов и представлений в которых люди прошлого воспринимали реальность и которые составляли «вторую реальность», чтобы показать каким образом в каждый исторический момент материальные условия жизни различных общественных групп в той или иной мере подвергались фальсификации их ментальными представлениями³⁷. Имеется виду, что сама конфигурация событий, их временной темп, интерпретация – все это не просто

³⁴ Клименко А.В. Предмет и задачи историографии // Историография истории России до 1917 г. Учеб. для студ. вузов. В 2-х т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. I. С. 20–22; Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: Учеб. пособие для студ. вузов. 2-е изд. М., 2009. С. 5–6; Камынин В.Д., Чернобаев А.А. Историография как история исторической науки // Русская историография XI – начала XXI века: Учеб. пособие / Под ред. А.А. Чернобаева. М., 2010. С. 13–16.

³⁵ Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. М., 1965. С. 6–26; Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987; Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории. М., 1989.

³⁶ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2004. С. 231.

³⁷ Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998; Огурцов А.П. Социальная история науки: стратегии, направления, проблемы // Принципы историографии естествознания: XX век. СПб., 2001. С. 34–68; Соколов А.К. Социальная история новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 39–79.

объективные реальности, а продукты культурных представлений, выработанных в конкретную эпоху.

Незаменимым при обращении к литературным историографическим источникам оказался семиотический метод, анализирующий смысловые единицы языка. В России основы семиотического анализа текстов были заложены в трудах крупных литературоведов М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана. Предложенная ими семиотическая модель опирается на представление о тексте как пересечении точек зрения создателя текста и аудитории³⁸.

Поскольку цели, стратегии и предпочтения людей создаются и обретают значение только в рамках культурной системы, особое внимание в исследовании уделяется языку, который не только выражал, но и конституировал политический мир, помогая сформировать восприятие статуса, интересов, идеологии. В этой связи актуальными для нашего исследования оказались наработки культурологов и социологов в области изучения социальных мифов. В последнее время миф перестал восприниматься как нечто противоположное логике, науке и точному знанию. Он стал объектом изучения как особая форма освоения человеком действительности и одновременно инструмент преобразования этой действительности. Анализ различных аспектов мифа, проведенный такими исследователями, как Р. Барт, Э. Кассирер, М. Элиаде, В.С. Полосин, С.Б. Орлов устанавливает тесную связь мифа и идеологии как одной из форм проявления мифа в обществе³⁹.

Научная новизна исследования определяется как самой постановкой проблемы, так и полученными в ходе ее разработки результатами.

Впервые интегрировано проанализирована история изучения земских служащих за 145 лет: в условиях самодержавия, в советское время, на постсоветском этапе, что позволило сделать сравнительные обобщения о путях, методах и достижениях исторического знания во второй половине XIX – начале XXI вв.

На основе современных теоретико-методологических подходов и широкого круга источников создано обобщающее комплексное историографическое исследование, посвященное ключевым проблемам истории земских служащих, показано общее и особенное в изучении их основных профессиональных групп.

Впервые предпринята попытка изучить историю земских служащих под углом социальной истории. Это дало возможность рассмотреть культурные образцы поведения земских служащих, созданные в отечественной историографии на разных этапах её развития, проанализировать идеи и образы, при помощи которых современники представляли (изображали) земских учителей, врачей, фельдшеров и статистиков, а также установить, что концепт «земская интеллигенция» является сконструированным понятием и политической мифологемой.

Впервые проанализировано большое количество историографических источников по истории земских служащих, изданных как в дореволюционный,

³⁸ Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995; Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

³⁹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996; Полосин В.С. Миф. Религия. Государство: Исследование политической мифологии. Изд. 2-е. М., 1999; Кассирер Э. Мифологическое мышление // Э. Кассирер. Философия символических форм. В 3-х т. Т. 2. М.–СПб., 2001; Орлов С.Б. Политическая мифология в России: опыт концептуального анализа мифа об интеллигенции. Барнаул, 2002.

так и особенно в современный период развития отечественной историографии, ранее не становившихся объектом историографического анализа.

Реконструированы основные теоретические концепции, с позиции которых изучались состав, мировоззрение и социально-политическая деятельность земских служащих. В результате показано значительное воздействие идеологического фактора, а также оценок и характеристик земской интеллигенции, сформированных в рамках народнической историографии на отечественные исследования созданные в советский и в новейший период.

В диссертации представлена позиция автора по проблемам, носящим дискуссионный, полемический характер, привлечено внимание историков к вопросам, которые в контексте исследуемой проблематики считаются недостаточно или совершенно не исследованными в исторической науке.

Апробация исследования. Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре истории России и кафедре регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Основные положения и выводы диссертации отражены в монографии (20,5 п.л.), а также в 55 публикациях в федеральных и региональных изданиях общим объемом 26,5 п.л. Результаты исследования были представлены на 32 международных, всероссийских и региональных научных конференциях, которые проходили в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Челябинске, Тюмени, Нижневартовске, Иваново, Тобольске, Коломне, Уссурийске, Кургане.

Научно-практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы, положения и выводы могут быть учтены и использованы при создании обобщающих трудов по истории и историографии, как земского самоуправления, так и русской интеллигенции, а также широкого круга проблем, связанных с общественно-политическим развитием России второй половины XIX – начала XX вв. Материалы диссертации могут найти применение в научной и преподавательской деятельности, в лекционных курсах и на семинарских занятиях, спецкурсах по истории России и историографии.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (включающих в себя 15 параграфов), заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, ставятся цели и задачи исследования, определяются его объект и предмет, хронологические и территориальные рамки, характеризуется степень научной разработанности проблемы и состояние источниковой базы, раскрывается методология исследования, его научная значимость и новизна, приводятся сведения о научной апробации результатов изыскания.

Первая глава «Дореволюционная историография земских служащих: вторая половина 1860-х – 1917 гг.» посвящена генезису и развитию дореволюционной историографии по ключевым проблемам истории земских служащих.

Период становления историографии земских служащих начинается вместе с созданием органов земского самоуправления и падает на вторую половину 1860-х гг. Первый импульс обращения к данной тематике был задан деятелями «великих реформ», как из среды просвещенной бюрократии, так и столичных интеллектуалов, стремившихся выработать новые стратегии общественного развития на началах самоуправления. В дальнейшем формирование историографии проблемы происходило под воздействием целого ряда факторов, роль которых со временем менялась.

Вплоть до 1890-х гг. основные профессиональные отряды земских служащих – учителя, врачи, фельдшеры, статистики – изучались каждый в отдельности. Интерес к теме со стороны исследователей определялся в большей степени их общественными и культурными предпочтениями, а не политическим фактором. Значение имела также защита корпоративных интересов, которые раньше всего сформировались в профессиональных отрядах земских врачей и статистиков.

Основная масса публикаций по рассматриваемой тематике, увидевших свет до 1917 г., принадлежала перу не профессиональных историков, а публицистам, писателям, общественным и государственным деятелям, а также самим земским служащим. Наибольшую активность в этом отношении проявляли земские санитарные врачи (Д.Н. Жбанков, Е.А. Осипов, В.О. Португалов, М.Я. Капустин, С.Н. Игумнов, З.Г. Френкель, Д.П. Никольский и др.). Они занимались разработкой проблем, связанных с историей зарождения и развития земской медицины, освещали вопросы формирования медицинского персонала земств, раскрывали особенности его деятельности и общественные ориентиры, писали биографии своих коллег. При проведении земских медицинских съездов именно врачи составляли отчеты об их работе. В целом их труды были созданы в порядке самоописания. Отсюда проистекали позитивная самоидентификация и завышенная оценка собственной значимости; стремление обосновать и закрепить за своей профессиональной группой особый статус в земстве; разработка соответствующих способов презентации в обществе; повышенный интерес к изучению средств внутригруппового общения: совещаниям при земских управах, профессиональным съездам, научным обществам. Другие исследователи – не врачи, обращались, как правило, не к первоисточникам – журналам заседаний земских собраний, отчетам управ, правительственной статистике и т.п., а к публикациям врачей, тем более что последними до 1917 г. было создано несколько капитальных трудов по истории земской медицины.

Таким же описанием особенностей собственной деятельности, утверждением своих высоких общественных задач и достижений занимались земские статистики (В.И. Орлов, А.В. Пешехонов, Д.М. Рихтер, С.М. Блеклов, В.Н. Григорьев, А.Ф. Фортунатов, Н.А. Каблуков, В.С. Пругавин и др.). В отличие от врачей, они не создали капитального труда, освещающего историю развития земской статистики за весь период ее существования, ограничиваясь отдельными очерками не монографического характера. Основное их внимание было обращено на экономические проблемы крестьянского хозяйства, а также на вопросы поддержки и развития кустарного производства. Отсутствие обобщающего исследования по истории земской статистики, компенсировалось наличием

жизнеописаний ее деятелей. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона нами выявлено 44 биографии статистиков, что гораздо больше, чем представителей других профессиональных групп земских служащих вместе взятых. Данное обстоятельство указывало на то, что статистики были в большей степени, чем прочие категории земских специалистов, интегрированы в национальное культурное и научное пространство.

Мнения земских учителей и фельдшеров гораздо реже доходили до широкой общественности. Представители этих профессий в силу экономических и культурных причин долгое время не могли самостоятельно выступить на общественном и научном поприще. Вместо земских учителей их историю активно разрабатывали представители либерально-демократической общественности – столичные публицисты, деятели в области народного просвещения (Н.А. Корф, Н.Ф. Бунаков, Н.В. Чехов, В.И. Чарнолуский, К.А. Фальборк, П.И. Чижевский, П.Ф. Каптерев, Л.Н. Блинов, К. Мягкова и др.). Они предъявляли к учителю повышенные требования и возлагали на него большие надежды, связанные с масштабными проектами преобразования крестьянской жизни. Особое внимание в их изысканиях уделялось выработке «высоких» образцов поведения земского учителя, изучались социальный состав педагогов, условия их профессиональной деятельности, выдвигались проекты по повышению педагогического и общественного уровня учащихся, обсуждались способы их консолидации.

Воспоминания самих земских учителей, которые стали появляться на страницах педагогических журналов с начала 1890-х гг. высветили культурный конфликт, переживаемый педагогами от осознания невозможности осуществить свою «высокую миссию» и примирить общественные идеалы с повседневной действительностью. Их мемуары показывали, что жизненные переживания многих учителей балансировали между двумя полюсами – профессиональным долгом и необходимостью приспособливаться к требованиям сельского общества с его специфическим отношением к школе и к учителю.

Работу земских фельдшеров длительное время оценивали врачи. В условиях обострившейся конкуренции на рынке труда и под влиянием завышенных представлений о стандартах медицинской помощи населению, врачи давали уничижительную характеристику их профессионального и морального облика. В публикациях самих фельдшеров, появившихся в конце 1890-х гг. главное внимание было обращено не на материальную сторону фельдшерского быта, а на дискриминацию и унижение фельдшеров в медицинской среде.

Большой вклад в создание нормативного образа земского служащего, прежде всего учителя, внесла русская художественная литература. С начала 1870-х гг. в литературе культивировался образ бедного учителя, чей убогий сельский быт ярче высвечивал возвышенные нравственные качества педагога и свидетельствовал о его высокой жертвенности. Литературный миф, структурно и семантически заданный очерками Г.И. Успенского романтизировал образ учителя-аскета, который нашел для себя плодотворную деятельность среди народа. Аналогичную роль в формировании образа врача-подвижника сыграл Н.Н. Златовратский. Такие тексты требовали специфической аудитории и особого типа писателей, которые выстраивали стратегии жизни земских служащих,

руководствуясь присущими интеллигенции социально-психологическими характеристиками и ожиданиями.

В дореволюционный период в изучении земских служащих постепенно определились три направления: консервативное, либеральное и демократическое, представленное практическими народниками, неонародниками и марксистами. Идеино-политическое противостояние этих направлений общественной мысли повлияло на тематику и направленность исторических работ, и определило высокий уровень дискуссионности основных проблем истории земских служащих. Дореволюционные разработчики темы наибольшее внимание уделили мировоззрению земских служащих и формам их общественно-политического самовыражения, в рамках решения вопроса о путях дальнейшего развития России.

Разработка истории земских служащих осуществлялась, прежде всего, усилиями авторов, представлявших народническое течение в русской общественной мысли, затем либеральное и с начала XX в. – марксистское, главным образом, меньшевистское его крыло. На базе трех идеологических концепций были выработаны основные интерпретации особенностей формирования профессиональных групп земских служащих, дана оценка их роли в системе земского самоуправления, раскрыты формы профессионального и социального выражения, обрисована система ценностей, руководившая их поведением, показаны бытовые условия жизни. При существовавшем в дореволюционное время концептуальном разнообразии можно выделить системообразующие идеи, которыми руководствовались и либералы, и демократы. Это отрицательное отношение к власти («бюрократии») и ко всем социальным инициативам, исходящим с ее стороны; убежденность в «отсталости» и «темноте» крестьянской массы, которая подлежит усовершенствованию усилиями общества («интеллигенции»); высокая оценка культурной и общественно-политической деятельности земских служащих всех специальностей, за исключением, пожалуй, только фельдшеров.

Сформированная к началу XX в. в рамках народнической историографии такая политическая мифологема, как «интеллигенция», производная от нее – «земская интеллигенция», с 1900 г. синонимом которой стало словосочетание «третий элемент», изменила нарратив истории. Она заставила представителей других идейных течений в русской мысли считаться с данной концепцией и с теми типизированными понятиями о «земской интеллигенции», как идеологической группе и как профессиональном слое с особыми бытовыми чертами. Ряд положений этой концепции поддержали марксистская и либеральная историография. Именно в точке соприкосновения «земской интеллигенции» и «земских служащих» возник проблемный ракурс таких вопросов как «генезис земской интеллигенции», «культурная миссия земской интеллигенции», «интеллигентский тип сознания» и другие.

В период первой русской революции и после нее совместными усилиями неонародников и марксистов была выработана и стала активно распространяться в средствах массовой информации версия о том, что все серьезное и самостоятельное в хозяйственно-культурной и политической деятельности земств было достигнуто исключительно благодаря земской интеллигенции, а не буржуазно-дворянским земским собраниям. В суждениях Ф.А. Данилова, Л.Д. Брюхатова,

Е.А. Звягинцева, И.П. Белоконского, Б.Б. Веселовского, В.Е. Трутовского, Н.И. Иорданского, М.Д. Загряцкова, В.С. Голубева, Л.С. Зака и других именно «третий элемент» был движущей силой всей земской жизни, благодаря его самоотверженности и энергии земское дело развивалось. Социальный объект при этом не имел достаточно четких границ. Разработчики темы не брали во внимание такие признаки, как профессиональная специализация представителей земской интеллигенции, уровень их квалификации, сословная принадлежность, размеры получения доходов, величина духовно-нравственного авторитета. Все это свидетельствовало о том, что неонародникам и марксистам нужны были эффективные лозунги для продвижения «своего» варианта общественного развития и для борьбы за политическую власть.

Общим местом неонароднического и социал-демократического дискурса стало признание того, что земский интеллигент выделялся из среды земских служащих своей особой идейной верой и моралью, в основе которой лежали аффектированное чувство долга перед народом, антибюрократический пафос и социалистические симпатии. При этом его морально-этические и общественно-политические качества рассматривались авторами в традиционалистском духе — не как личностная характеристика, а как отличительная черта группы в целом. Эти представления о земской интеллигенции, возникшие в определенном историческом контексте как проявление острой общественно-политической борьбы, в условиях модернизирующегося, расколотого общества, постепенно сложились в некий мифический образ этой группы, который зажил своей жизнью.

Либеральная историография в начале XX в., представленная, главным образом, работами радикальных либералов, ничего принципиально нового и оригинального в трактовке истории земской интеллигенции создать не смогла. Она следовала в фарватере народнической историографии, разделяла ее основные оценки и выводы, заимствовала тот «новояз», который социалисты внедряли в средствах массовой информации как противовес официальному языку. Некоторые отличия либеральной интерпретации земской интеллигенции касались главным образом ее положения в местном самоуправлении и особенностей сотрудничества с земскими гласными.

В либеральной историографии к началу XX в. закрепились тенденции на идеализацию земства как бесконфликтной модели взаимоотношения сословий, которая объединяла лучших людей земли на служение народу. Д.И. Шаховской, Г.Е. Львов, Т.И. Полнер, А.А. Корнилов, А.И. Шингарев, Д.Н. Шипов, А.И. Новиков и другие изображали земских либералов как самоотверженных борцов за нужды народа, которые бескорыстно выполняли свой долг, а представители «третьего элемента» им в этом активно помогали. Преодолеть влияние на либерализм социалистической идеологии и по-новому оценить характер русской интеллигенции в целом, и земской интеллигенции в том числе, попыталась после первой русской революции незначительная часть интеллектуалов в лице авторов «Вех».

Консервативная историография обратилась к изучению земской интеллигенции с середины 1890-х гг. в связи с ощутимым ростом ее численности и активизацией политической деятельности. Д.Н. Цертелев, В.А. Грингмут, Д. Бодиско, С.С. Бехтеев, К.Ф. Головин, И. Иванюшенков, Н. Знаменский и другие не были

против культурнической деятельности земских служащих, но выступали против неконтролируемого роста их численности как новой разновидности бюрократии, которая нарушала принципы самоуправления, поскольку сосредотачивалась главным образом при губернских земских управах. В своих публикациях консерваторы обращали внимание на то, что содержание штатов «земской бюрократии» ложилось на плечи налогоплательщиков, и, прежде всего, крестьян, которые не видели реальной пользы от большинства земских начинаний.

Интерес интеллигенции к земству, по мнению консерваторов, обуславливался хорошими заработками, а также возможностью проводить в народе и в среде самих земских гласных антиправительственные идеи. Причины увеличения численности земских служащих они связывали с неконтролируемым ростом земских бюджетов, неумением руководителями земств рационально вести хозяйство, игнорированием ими интересов местного населения, неспособностью «хозяев земства» противостоять интеллигенции.

В пределах консервативной историографии не была создана целостная концепция истории земства и земских служащих. Авторы и не ставили перед собой такой задачи. Однако наличие в дореволюционной литературе, прежде всего, в публицистике, официальных изданиях, а также в воспоминаниях государственных и общественных деятелей, разнообразных оценок, выводов и комментариев, данных представителями консервативного направления, позволяет заглянуть за «парадный фасад» земств и попытаться увидеть за тем гляncем, который целенаправленно наводила либеральная и демократическая печать, реальные проблемы, сложности и противоречия. Именно консерваторы обнажили многие проблемы земств, среди которых главная: их перерождение в бюрократические канцелярии с постоянно увеличивающимся штатом служащих, чьи общественные и личные интересы входили в противоречие, как с интересами традиционных сословий, так и с целями развития Российской империи.

В пореформенный период шел процесс формирования и обогащения источниковой базы исследований по истории земских служащих. К основным группам источников этого периода относились: законодательные акты, касающиеся функционирования земств и правового положения земских служащих, а также положения, указы и распоряжения, захватывавшие сферу их деятельности; документы делопроизводства земских, правительственных и научных учреждений; официальная и земская статистика; мемуары; материалы периодической печати. Материалы официального делопроизводства были представлены «всеподданнейшими» докладами и отчетами министров и губернаторов; отчетами и рапортами инспекторов народных училищ; донесениями полицейских чинов; данными сенаторских ревизий земств и др. Однако если документация земств активно публиковалась, то немалая часть материалов официального делопроизводства не была введена в научный оборот, хранясь в архивах соответствующих ведомств.

Дореволюционный период развития исторической науки отличает многообразие жанров историографических источников: публицистика, художественная литература, воспоминания, научные монографии, коллективные труды. При этом наиболее многочисленный комплекс источников составляла публицистика. Жанр

публицистики позволял всем участникам исследовательского процесса наиболее оперативно выражать свое мнение по проблеме. По мере накопления фактического материала и приращения знаний, повышался уровень его теоретического осмысления и научной разработки. Наибольшее количество монографий и коллективных трудов вышли в период Думской монархии, когда земства подводили итоги своей полувековой деятельности. Работы представителей демократического направления в историографии количественно превосходили публикации либералов и консерваторов. Их авторы, как правило, дистанцировались от сведений собранных и обработанных в правительственных учреждениях, основывая свои положения и выводы на материалах земского делопроизводства, либерально-народнической публицистике, данных земской статистики. В целом разнообразие историографических источников служило важным индикатором общественного и научного интереса к теме.

Во второй главе «Советская историография земских служащих: 1917 – 1991 гг.» анализируется советская литература.

Радикальные изменения в общественном и политическом строе России после октября 1917 г. неизбежно повлияли на основные черты развития отечественной историографии по проблеме земства и земских служащих. Они носили всеобъемлющий характер, затронув методологию, источниковую базу, проблематику изысканий и содержание концепций. Общее количество публикаций, в которых разрабатывалась история земских служащих, по сравнению с дореволюционным периодом, резко сократилось.

Октябрьские события 1917 г. актуализировали проблему преемственности и разрыва в российском сообществе исследователей земской интеллигенции на уровне ценностных идеалов, средств научной и культурной коммуникации и концептуальных построений. Начало реализации в России пролетарской парадигмы социализма обусловило идеологическую борьбу большевиков со своими политическими противниками. В этих условиях общественные деятели, ученые и публицисты, исповедовавшие небольшевистские воззрения должны были либо выражать свое несогласие с идеологией партии, чем могли навлечь на себя репрессии; либо вписываться в существующий политический контекст, корректировать свои взгляды в зависимости от имеющейся официальной линии. Нам удалось выделить три жизненные модели, которые избрали историки, оставшиеся после 1917 г. в Советской России, чья дореволюционная общественная и научная деятельность была тесно связана с земством.

Первый жизненный сценарий предполагал полный отказ авторов от изучения проблем, связанных с историей земской интеллигенции. После 1918 г. от разработки земской тематики отошли: Б.Б. Веселовский, В.Е. Трутовский, Д.И. Шаховской, И.П. Белокопский, П.И. Куркин, Д.Н. Жбанков и целый ряд других исследователей. В царской России это были признанные эксперты в области земского самоуправления, их одновременный уход, а вместе с ними и целого поколения историков и специалистов с исследовательского поля земской проблематики, стал существенной историографической потерей.

Сохранить научную автономию и тем самым противостоять системе удалось в Советской России единицам. Примером поразительной верности

служения земской идее, которую пронес через всю свою жизнь, является судьба историка земской медицины С.Н. Игумнова. В 1920-е гг. он опубликовал ряд биографий земских медиков, в народнической традиции изображая их жизнь и самоотверженную работу в среде крестьянства⁴⁰. Но поистине научным подвигом стало издание им в Киеве в 1940 г. «Очерков истории развития земской медицины в губерниях, вошедших в состав УССР, в Бессарабии и в Крыму». Это изыскание, увидевшее свет в условиях агрессивной сталинской среды является ярким образцом культурного и исследовательского стиля, характерного для дореволюционных авторов.

Примером третьей модели вживания в советскую систему можно считать жизненный путь и общественную позицию видных деятелей российского просвещения начала XX в. В.И. Чарнолуского и Н.В. Чехова. В дореволюционные годы ни тот, ни другой не ориентировались на большевиков, а являлись типичными выразителями взглядов либерально-народнической общественности. После 1917 г. они признали ошибочность своих прежних позиций. Стремясь соответствовать новым идеологическим требованиям времени, которые выдвигали заказ на учителя-революционера и активного проводника идей партии и правительства в массы, В.И. Чарнолуский и Н.В. Чехов в своих статьях 1920-х гг. формируют миф о «природной» революционности народного учительства и его классовой близости к пролетариату. В этой связи можно говорить о том, что одни ученые усвоили идеологические постулаты и их сочинения работали на советскую государственную машину, другие пытались сохранять и даже развивать дореволюционную исследовательскую традицию.

Советская историография традиционно делится на ряд периодов, исходя из общественно-политических условий, в которых работали историки: 1917 – конец 1920-х гг.; начало 1930-х – середина 1950-х гг.; конец 1950-х – середина 1980-х гг.; середина 1980-х – начало 1990-х гг.

Для разработки истории земских служащих продуктивными стали годы НЭПа. В это время сохранялся определенный плюрализм интерпретаций, была опубликована серия воспоминаний, научных статей и монографий, в которых авторы, главным образом бывшие земские служащие (С.Н. Игумнов, П.А. Калинин, Л.Я. Скороходов, З.Г. Френкель, Н.А. Малиновский, Е.З. Волков и др.), подводили итоги развития земской медицины, школы, статистики, определяя как их сильные, так и слабые стороны, оценивали роль и значение деятельности земских специалистов.

С начала 1930-х гг. власть все больше стала устанавливать идеологический контроль над исследованиями. Сохранить научную автономию удавалось в Советской России немногим. Вплоть до начала 1940-х гг. представители «старой» народнической школы (С.А. Якобсон, С.Н. Игумнов) удерживали свои позиции в изучении земской медицины, благодаря чему поддерживалась преемственность с бытовавшей в дореволюционной исторической науке традицией. Однако этот феномен имел место только в изучении истории земских врачей и фельдшеров.

⁴⁰ Игумнов С.Н. Дмитрий Николаевич Леонов и земская медицина. По поводу сорокалетия со дня врачебной деятельности. Харьков, 1926; Он же. Е.А. Осипов. Харьков, 1927.

XX съезд КПСС дал толчок развитию советской исторической науки и поставил перед учеными задачу восстановления «ленинской концепции» исторического процесса. Историки получили возможность разрабатывать новые тематические сюжеты, в том числе по истории земских учреждений и русской интеллигенции, в контексте которых стала изучаться история общественно-политической и культурной деятельности земских служащих. Постепенно ведущими научными центрами по изучению истории земства и земской интеллигенции, ее узловых аспектов становятся Москва, Калинин, Горький, Пермь. У их истоков стояли видные советские исследователи: в Москве – В.В. Гармиза, Л.К. Ерман, Н.М. Пирумова, В.Р. Лейкина-Свирская, Е.Г. Корнилов, А.В. Ушаков, Т.Н. Львова, Т.П. Прокофьева; в Поволжье – Н.Л. Хайкина, Л.М. Побережская, А.Н. Лиленкова; на Урале – М.И. Черныш; в Твери – Н.С. Новикова.

С середины 1980-х – до начала 1990-х гг. под влиянием перестроечных процессов происходит постепенное раскрепощение исторической науки, расширяется проблематика исследований. Стали проводиться «круглые столы», научные конференции, дискуссии, на которых обсуждались важнейшие проблемы отечественной истории, в том числе земская и интеллигентская тематика. В среде профессиональных историков, изучающих историю земства, формируется отношение к этому институту как своеобразному историческому феномену. Историки стали отказываться от противопоставления и искусственного разделения целей и результатов деятельности земских гласных и земских служащих. Расширились хронологические рамки исследований земской тематики за счет обращения к периоду 1907–1917 гг.

Для формирования интеллектуальных приоритетов советских историков большое значение имело сложившееся в рамках советской политической культуры убеждение, что все крупные социальные проблемы были решены основателем советского государства. Особая социальная значимость профессий врача и учителя в обществе, а также положительная оценка В.И. Лениным практической деятельности представителей этих специальностей в земстве – поддерживали исследовательский интерес к этим профессиональным отрядам земских служащих на всем протяжении развития советской историографии. Изучая их исторический опыт с марксистско-ленинских позиций, разработчики использовали его для идеологической борьбы с дореволюционными либерально-народническими течениями и эмигрантско-зарубежными направлениями в изучении проблемы. Из профессиональных групп земских служащих слабо изученными в советской историографии оказались статистики, что объяснялось отсутствием практической необходимости в применении их опыта исследования крестьянских хозяйств со стороны пролетарского государства, а также девальвацией статистики, как науки в СССР.

Отечественная историография истории земских служащих в 1917–1991 гг. развивались в рамках советской исторической науки на основе марксистско-ленинской методологии, формационного и классового подходов. С точки зрения эвристической ценности, господство официальной схемы влекло за собой деформацию комплекса источников, когда факты, противоречащие схеме, отвергались или игнорировались. Это вело к сужению горизонтов исторических изысканий, при котором интересы ученых не выходили за определенные рамки, а

тематика научных трудов регламентировалась. Типичными темами исторических работ по интересующей нас проблеме уже с 1920-х гг. стали: пути народных учителей и медицинских работников в революцию; история их профсоюзного движения; опыт культурной и хозяйственной деятельности земских специалистов; образование и профессиональная подготовка народных учителей и медиков, их состав и положение; борьба пролетариата за вовлечение учителей, врачей, демократической интеллигенции в целом в революционное движение; содержание, формы и методы работы РСДРП (б) среди народных учителей и медицинских работников. В те же годы были определены темы, не подлежащие детальному освещению. Среди них: изучение опыта сотрудничества государства и земских учреждений в области развития начального образования и медицины, политические симпатии земских служащих и их отношение к классам и партиям после первой русской революции и ряд других.

В советский период изменилась иерархия источников. Анализируя состав и общественно-политическую активность земских служащих, историки сосредотачивались, прежде всего, на их значимости для революционного движения, что обуславливало использование в качестве источников нормативных актов органов государственной власти и управления царской России, непосредственно касавшихся появления земских служащих, делопроизводственных и других официальных документов. Были открыты архивы Министерства внутренних дел, Департамента полиции, губернских жандармских управлений. Их материалы позволяли судить об отношении власти к земству и его служащим, определить состав, формы и степень участия земских служащих в оппозиционном движении. Большую ценность для советских историков имела публикация документов политических партий и, прежде всего, РСДРП (б), в том числе большевистских листовок, адресованных к земским учителям и врачам. Важный комплекс данных составила социал-демократическая и народническая публицистика; материалы личного происхождения, главным образом мемуары и автобиографичные статьи земских служащих – большевиков и воспоминания революционных народников.

Одной из особенностей советской историографии проблемы стала значительная дифференциация исследований. Если в дореволюционное время изучались как основные профессиональные отряды земских служащих, так и земская интеллигенция в целом как особая социальная группа, объединенная общей идеологией, то в советский период произошла «профессионализация» изысканий. Историки рассматривали крупные профессиональные отряды земских служащих вместе с другими неземскими работниками схожих специальностей. Это нивелировало земскую интеллигенцию, умаляло идейные принципы ее идентификации. Вплоть до середины 1950-х гг. исследователи не стремились относить земских служащих к «интеллигенции», что обуславливалось идеологическими установками. В работах, где речь шла об учителях земских школ авторы применяли такие определения, как «народные учителя», «сельские», «начальные», «просвещенцы»; вместо «земский врач» использовались выражения «врач-общественник» и «специалист-медик». Таким способом конструировалась «новая» история земских служащих.

Произошедшая смысловая трансформация понятия «интеллигенция» повлияла на оценку авторами генезиса и развития земской интеллигенции. Советские историки отбросили идейные и психологические характеристики, определявшие эту социальную группу в дореволюционной историографии, взяв за основу материалистический критерий профессиональной занятости. С конца 1950-х гг. в исторической литературе утвердился тезис, что земская интеллигенция появилась одновременно с созданием земств, а в дальнейшем под влиянием развития капитализма, разрушения сословной системы и активизацией классовой борьбы происходил ее численный рост, повышалась квалификация кадров, росло их влияние. При этом социально-политические качества присущие только части земских служащих в народнической интерпретации (демократизм, профессионализм, близость к крестьянству, революционность), были распространены на все профессиональные отряды земской интеллигенции. Состав ее был также расширен за счет включения в него учащихся педагогических и медицинских училищ, содержащихся на средства земств.

Советским историкам было свойственно создавать теоретические конструкции, а потом считать их объективной реальностью. В этой связи обращает на себя внимание эволюция, которую проделали земские служащие в пространстве советской историографии при определении их места и роли в общественно-политической жизни дореволюционной России и в классовой борьбе. От приверженцев буржуазной демократии и врагов пролетариата, в трактовке ряда марксистских исследователей 1920-х гг. (В.И. Богданов, И.Л. Цветков, З.П. Соловьев, А.В. Луначарский), земские учителя и врачи, земская интеллигенция в целом к началу 1980-х гг. переместилась в лагерь активных сторонников социалистической революции. Организацию начального народного образования, создание бесплатной земской медицины, проведение статистических исследований историки Е.Г. Корнилов, В.Р. Лейкина-Свирская, Л.К. Ерман, И.И. Стефанова, Т.Н. Львова, А.В. Ушаков, Н.М. Пирумова, И.А. Слонимская, М.М. Левит, П.Е. Заблудовский и другие рассматривали в тесной связи с политическими процессами, протекавшими в дореволюционной России, и соотносили с фазами развития революционного движения. В таком контексте деятельность земского врача, учителя, статистика политизировалась и подавалась как результат классовой борьбы передовой русской общественности на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения. Преклонение перед теорией, подчинение ей фактической стороны своих трудов, приводило историков к показу «закономерностей перехода» значительной части земской интеллигенции к 1905 г. на сторону социал-демократов, под которыми понимались большевики. Самым «революционным» отрядом земских служащих были признаны учителя.

В советской литературе сформировался новый образ земского служащего, поскольку «старый» народнический образ врача и учителя-подвижника походил на образ христианского мученика, добровольно обрекавшего себя на страдания и лишения за идею. Такой образ не вписывался в советскую историографическую культуру, которая предъявляла требования на героя-бойца, революционера и активного деятеля.

Идеологическая ангажированность советской историографии не помешала достичь определенных научных результатов, особенно в сфере расширения знаний о формах политической активности земских специалистов. Советские исследователи раскрыли отдельные аспекты истории формирования и становления основных профессиональных отрядов земских служащих, их социальный состав и материальное положение, выяснили персоналии участников революционного движения. Первые шаги были сделаны в воссоздании картины деятельности земских служащих в регионах страны, в научный оборот были вовлечены новые материалы, проведен ряд научных конференций, в том числе посвященных столетию земской медицины. Изменения коснулись жанров историографических источников, появились совершенно новые жанры: диссертации и авторефераты докторских и кандидатских диссертаций, материалы научных конференций. Публицистика постепенно уступила свое место научным статьям, монографиям и коллективным трудам, значительное число которых увидело свет в 1960-х – 1980-х гг.

В то же время советская историография так и не смогла создать достоверную и всестороннюю картину истории земских служащих. Многие работы являлись описательными и избирательными, претендуя на «научность» в изложении материала их авторы применяли интерпретационные техники, сформированные в дореволюционной публицистической литературе. К этому же располагало использование историками в качестве главных аргументов цитат из работ В.И. Ленина по проблемам земства и земских служащих, которые были написаны в публицистическом жанре. В опубликованных в советский период изысканиях в основном был охвачен период с момента создания земств до 1905 г., следовательно, история земских служащих после первой русской революции оказалась не изученной.

В третьей главе «Новейшая отечественная историография земской интеллигенции: 1991 – начало 2000-х гг.» дается характеристика современной историографической ситуации, показана динамика ее развития.

На рубеже 1980–1990-х гг. в советской, а затем в российской исторической науке начался новый этап в изучении истории земств и их служащих. Он связан как с переменами, происходившими в российском обществе в целом, так и с саморазвитием самой науки: сменой исследовательских парадигм, сближением отечественной науки с мировой, выходом на сцену нового поколения российских историков. Процесс обновления исторической науки пошел в двух основных направлениях: освоение новой проблематики, прежде недоступной для исследования; переосмысление сделанного ранее. Применительно к истории земской интеллигенции эти направления пересекаются. Например, изучая повседневную жизнь земского врача или учителя (тема, практически отсутствовавшая в советской историографии), историки одновременно переосмысливают прежние подходы к изучению социального облика земских служащих, их места в провинциальном обществе и в крестьянской среде.

Одной из теорий, выдвинувшихся на первый план в российской исторической науке, стала теория модернизации, которая «вернула» Россию в число государств, идущих тем же путем, которым прошел в своей эволюции Запад. Под

влиянием этой теории исследователи (Л.А. Жукова, В.Ф. Абрамов, В.П. Мельников, О.А. Салов, Н.С. Тимофеев, Т.И. Волкова и другие) рассматривают деятельность земств и их служащих как одно из важнейших условий формирования в России второй половины XIX – начала XX в. основ гражданского общества. Историки отказались от противопоставления целей и результатов общественной и культурной деятельности земств и земских служащих, на котором строились многие изыскания в советское время, и вернулись к дореволюционной либеральной трактовке характера их взаимоотношений как успешного сотрудничества. Новейшую историографию земства и земской интеллигенции отличает мажорная тональность, она интерпретируется как история «успехов» и «достижений». В литературе сформировался новый образ земского служащего как приверженца и проводника либеральных ценностей.

Ощутимо возрос общий поток публикаций, посвященных земству и их служащим, прежде всего за счет региональных изысканий. В этом состоит важное отличие от предшествующих периодов: в дореволюционной и в советской историографии тематику и направленность исторических работ по проблеме формировали, прежде всего, интеллектуалы столиц. Глобализация исследований, ускоренное обращение информации ведет к тому, что разделение между центральной и провинциальной наукой стирается.

1990-е гг. открыли новые перспективы для изучения истории земских служащих. Этому способствовало складывание в новейшей историографии двух крупных исследовательских направлений – «земствоведения» и «интеллигентоведения», в рамках которых, прежде всего, осуществляется разработка вопросов формирования кадров земских служащих, их профессиональная деятельность, общественное самоопределение, участие в политической жизни, взаимоотношения с государственной властью, крестьянством, самими органами земского самоуправления.

Значительно изменился тематический спектр изысканий. История участия земских служащих в революционном движении и роль в этом большевиков утратила свой привилегированный статус. В работах, посвященных анализу политической ситуации в России в начале XX в., внимание авторов обращено на изучение форм и методов деятельности среди земской интеллигенции партий, которые в советское время находились на задворках исторических исследований, прежде всего кадетов и эсеров.

В работах Г.А. Герасименко, Е.М. Петровичевой, В.Г. Баданова, С.В. Вайровской, Н.И. Горской, В.И. Каргалова, И.В. Семенченко и других авторов впервые рассмотрена история земств и их служащих в период Думской монархии.

С начала 1990-х гг. разработка истории земской интеллигенции и ее основных профессиональных групп осуществляется в контексте широких интеллигентоведческих изысканий, которые ведутся как в центре, так и в регионах (Иваново, Кострома, Екатеринбург, Омск). Масштабное обращение к проблемам российской интеллигенции стало одной из стратегий выживания отечественных историков в новых политических, социальных и культурных условиях. Примечательно, что история интеллигенции в традиционной смысловой плоскости (это реальная социальная группа, носитель высокой духовности и

нравственности, гордость России) разрабатывается главным образом в регионах. В.С. Меметов, П.И. Диденко, Е.Е. Дегтярев, В.К. Егоров, М.А. Мунтян, А.А. Ширинянц, В.Р. Веселов и другие, обосновывая в своих трудах значимость социокультурной роли русской интеллигенции в прошлом, стремятся закрепить за этой социальной группой в настоящем право быть хранительницей и выразительницей социального творчества народа.

Одна из новых исследовательских проблем, разрабатываемых в последнее десятилетие в российских регионах – это феномен провинциальной культуры. Среди разработчиков темы можно выделить таких историков, как А.А. Данилов, В.С. Меметов, В.Р. Веселов, Н.К. Гуркина, Т.А. Вепренцева, Е.И. Самарцева, И.Т. Шатохин, С.В. Бандура. В своих работах, написанных в культурологической парадигме, авторы обосновывают своеобразие исторических традиций развития российской провинции как особого социокультурного пространства, которое было ориентировано на мир человеческой повседневности. Во всех изысканиях особое внимание уделено земским служащим – учителям, медикам, статистикам. При этом исследователи исходят из уникальности статуса интеллигента в провинции, считая, что именно интеллигенция являлась активным создателем и хранителем культурного наследия. В работах подчеркивается ее лидирующая роль в качестве инициатора улучшений в общественной жизни регионов, защите прав личности и ценностей культуры. Историки признают, что интеллигенция провинции, несмотря на общность социальных характеристик, не представляла собой гомогенное сообщество. Важным фактором ее социально-культурной деятельности выступала профессиональная принадлежность. В этой связи интерес представляет изучение отдельных профессиональных групп внутри земской интеллигенции, позволяющее понять влияние профессии на личностные характеристики, формирование системы ценностей, особенности корпоративной культуры.

Отметим, что в современной исторической науке тема образа жизни человека в повседневности, рассмотрение того, что волновало его в будничных проявлениях, стала популярна и это не случайно. Повседневная жизнь в силу своей незаметности и привычности прежде оказывалась заслонена от исследователей различными социальными сдвигами, войнами и политической борьбой. Публикации, написанные в рамках направления по изучению повседневности, дают интересные результаты применительно к истории земских служащих. В них поставлены вопросы о месте и роли земского учителя и врача в крестьянской среде, о самосознании и самоопределении представителей земской интеллигенции. Л.А. Булгакова, М.В. Змеев, Т.О. Санникова, Н.К. Гуркина и другие авторы уделяют внимание таким проблемам повседневности, как трудовая деятельность земских служащих, их участие в общественной жизни своего города или уезда; окружающая бытовая действительность, увлечения служащих, распределение их свободного времени. Ученые попытались показать ту действительность, в которой жили и работали земские учителя и врачи.

В постсоветский период продолжают развиваться и традиционные исследовательские направления по истории начальной школы и народного образования дореволюционной России, истории здравоохранения, в контексте

которых затрагиваются вопросы жизнедеятельности земских служащих соответствующих специальностей.

Социальный облик и деятельность земской интеллигенции изучается также через исследование жизни и творчества отдельных ее представителей, посредством рассмотрения предложенных ими научных и общественных идей⁴¹.

Одной из положительных черт развития новейшей историографии является стремление исследователей выяснить весь комплекс факторов, определявших складывание крупных профессиональных групп земских служащих в разные отрезки времени, прежде всего, на региональном материале.

А.Г. Важенин, П.В. Галкин, С.В. Вайровская, М.С. Низамова, Э.В. Черняк, А.А. Ярцев, К.Е. Балдин, В.В. Иванов и другие устанавливают связь между численностью земских служащих и уровнем экономического развития территории. Чем этот уровень был выше, тем больше была платежеспособность населения, и тем шире оказывались финансовые возможности земств, которые направляли полученные средства на развитие социальной сферы, на зарплату земским специалистам, на открытие новых школ, врачебных участков, проведение статистических обследований. Произведенный исследователями анализ бытовых условий и материального положения различных категорий земских служащих опровергает многие устоявшиеся стереотипы и утверждает более позитивный взгляд на их место в русском обществе и в земском самоуправлении, что существенно корректирует прежние оценки.

Представленный в новейших исследованиях материал, раскрывающий многообразие форм общественного выражения земской интеллигенции на протяжении всего периода ее бытования, позволяет реконструировать картину реальной жизни земских служащих в различных регионах страны, которая оказывается значительно шире и богаче, чем представлялась ранее. Реализованный в целом ряде работ подход к изучению общественной деятельности провинциальной интеллигенции, в состав которой авторы включают земских служащих, ее добровольных объединений, призван «деполитизировать» концепцию исторического развития дореволюционной России, которая в отечественной историографии имела нормативный характер. Собранные историками данные о многочисленных съездах с участием земских специалистов, о деятельности сотен добровольных общественных организаций, противоречат устоявшимся в отечественной историографии представлениям об исключительно самодержавном характере политической культуры дореволюционной России, не оставлявшем места для неправительственной общественной деятельности.

Немалое внимание авторы уделяют качественной характеристике земской интеллигенции, наделяя ее такими чертами, как социальная ответственность, жертвенность, бескорыстность, совесть, духовность, высокий уровень внутренней культуры. Из работ С.А. Севастьянова, С.В. Бандуры, В.Ф. Абрамова,

⁴¹ Мокшин Г.Н. В.П. Воронцов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 9. С. 57–73; Протасова О.Л. А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004; Тюков Н.А. Андрей Иванович Шингарев // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 131–135; Егорышева И.В., Кириллова Н.В. Заслуги Д.Н. Жбанкова в развитии земской медицины // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2000. № 4. С. 48–51.

Т.А. Ростовской, О.С. Киценко, Т.В. Лукьяновой, В.Г. Баданова, И.А. Дмитриева следует, что земство выступало активным субъектом социальной политики и своей целенаправленной хозяйственно-культурной деятельностью и финансовыми мерами способствовало формированию новых интеллигентных кадров в провинции. Правда, нужно заметить, что современная исследовательская толерантность ко всем типам и видам интеллигенции – церковной, управленческой, военной, национальной и т.д. заметно девальвировала концентрацию этих качеств именно у земской интеллигенции. Любовь к народу, бескорыстие и самоотверженный труд уже не считаются сущностными характеристиками только земской интеллигенции, как это было принято в дореволюционной либерально-демократической и отчасти в советской историографии.

В новейших изысканиях достаточно подробное освещение получили вопросы квалификации земских служащих, главным образом медиков и учителей, а также проблемы подготовки и переподготовки кадров, осуществлявшейся самими земствами. На региональном материале В.Ю. Кузьмин, Ю.А. Яворская, Т.В. Лукьянова, Ю.А. Арутюнов, С.А. Куковякин, Т.Ю. Шестова еще раз подтвердили известный факт, что земские врачи были самой образованной и подготовленной группой земских служащих.

Вместе с тем, в новейшее время появился и ряд негативных, на наш взгляд, тенденций. Во-первых, историографию земских служащих отличают большая дифференцированность и разрозненность. Исследователи предпочитают рассматривать каждый из профессиональных отрядов земской интеллигенции отдельно, в какой-то определенный отрезок времени и пространства. Полученные в ходе исследований результаты слабо коррелируются друг с другом, и не всегда складываются в общую картину. Это, естественно, затрудняет целостное восприятие ролевых функций земской интеллигенции, понимание ее реального вклада в общественно-политическую и хозяйственно-культурную деятельность земств, раскрытие социального облика и системы ценностей ее представителей.

Во-вторых, мало изменилась понятийная структура изысканий. От предшествующего советского времени осталась оценка революционной активности земской интеллигенции как «прогрессивной»; земские служащие, разделявшие революционно-народнические и социал-демократические воззрения многими авторами трактуются как «передовая общественность»; нарушение представителями «третьего элемента» действующего в царской России законодательства, увлечение политикой в ущерб своим профессиональным обязанностям получает положительную оценку историков.

В-третьих, в новейших работах по-прежнему сохраняется тенденция подчеркивать репрессивные черты самодержавия в отношении земств и их служащих, но подается это уже с либеральных позиций, хотя нередко можно встретить и несоветские интерпретации проблемы власти и земства. Сохраняются в силе такие привычные для описания политической истории дореволюционной России концепты, как «утеснение земства и земских служащих царизмом», «реакционность самодержавия», «приниженность земства». В созданном на сегодняшний день историографическом пространстве накопился расхожий набор

штампов, объясняющих успех деятельности земств и их служащих с негативной подачи: «несмотря на...», «вопреки...», «в борьбе с...».

Для немалого числа современных публикаций по истории земств и земских служащих свойственен эклектизм, попытки авторов соединить выводы и оценки, созданные в пределах советской историографической школы с наработками дореволюционных авторов. Существенное влияние на постановку проблем и их интерпретацию оказывают дореволюционная либерально-народническая историография и государственная юридическая школа. Именно это влияние сформировало стереотипный образ земства. Находясь под обаянием данной традиции, российские историки, занимающиеся изучением земских институтов, склонны исследовать лишь так называемые формальные организации. В работах подробно рассматриваются политика правительства по отношению к органам местного самоуправления; особенности функционирования земств; анализируется количественная сторона земской медицинской, образовательной и статистической деятельности; на материалах отдельных земств дается статистика открытия школ и больниц; показывается изменение численного состава земских специалистов; изучаются особенности трудовой деятельности и быта служащих, их образовательный уровень и материальный статус. Однако история земств и их служащих не исчерпывается лишь этими формальными аспектами и традиционными темами, и обнаруживает существование иных неформальных институтов и связей.

Большинство российских историков продолжают рассматривать земскую интеллигенцию в рамках реального экономического и социального мира, а не как сконструированное понятие. И это несмотря на то, что конкретно-исторические изыскания четко показывают, что земская интеллигенция ни по своим социальным характеристикам (происхождение, материальное положение, образование), ни по общественному статусу, ни по уровню культуры не представляла гомогенной общности. Не было достигнуто единства между различными профессиональными отрядами земских служащих и в организационном плане, посредством съездов, обществ, политических партий и движений. Хотя определенная культурная общность просматривалась между земскими врачами и статистиками, в то время как значительная часть учителей по своим социокультурным параметрам сближалась с земскими фельдшерами.

В целом нужно признать, что в изучении формальных организаций новейшая российская историография достигла значительных результатов, особенно если учесть ограниченное количество исследований такого рода в советской исторической науке. Институциональные историки показывают, что собой представляли структуры земства, в которых были задействованы земские служащие, и как эти структуры функционировали. Однако принятый в современной российской истории подход оставляет за пределами исследований большие пласты действительности, в том числе о наличии общей профессиональной этики у земских служащих различных специальностей, о формировании индивидуальной и групповой идентичности в их среде.

Рубеж XX – XXI вв. отмечен усилением внимания историков к материалам архивов, прежде всего местных. Значительную долю документов по истории земств и их служащих ввели в научный оборот только в новейшее время, некото-

рые и ранее известные материалы получили новую интерпретацию. Среди исследуемых данных – нормативные акты; материалы земского и официального делопроизводства; статистические сведения; документы политических партий, общественных и научных организаций, в работе которых участвовали земские служащие. Существенно расширилось использование источников личного происхождения, прежде всего за счет привлечения мемуаров представителей русского либерализма, в том числе изданных за рубежом. В то же время из материалов периодической печати привлекаются, главным образом, издания либеральной и народнической направленности, при этом далеко не всем историкам удается отойти от буквального понимания того, что писали современники и посмотреть на описываемые ими события «со стороны». Ограниченно используются материалы, отражавшие стереотипы крестьянского сознания и характеризовавшие отношение крестьян к культурным инициативам земской интеллигенции, а именно: постановления сельских и волостных сходов, жалобы, доносы. Слабо изучены ежегодные отчеты земских служащих о своей работе, а также данные анкетирования и опросов служащих, которые с начала 1900-х гг. проводили земства, научные общества, редакции ряда периодических изданий, а также органы государственной власти. На наш взгляд, именно в таких источниках можно найти информацию неформального характера, характеризующую атмосферу жизни земских служащих различных специальностей, особенности их взаимоотношений с земством и с местным населением.

Среди типов историографических источников в новейшее время доминируют авторефераты диссертаций, научные статьи и тезисы докладов, которые количественно превосходят монографии и коллективные труды. Однако, диссертации и авторефераты – это очень специфический вид работ, и их авторы, желая получить искомую степень, нередко вынуждены «играть» по особым правилам. Господствуют локальные исследования, при этом ощущается недостаток обобщающих работ монографического характера, что является одной из характерных черт современной историографической ситуации.

Большое значение для процесса трансформации историографической культуры имеет характер взаимоотношений внутри профессиональной научной корпорации историков. Масштабные политические и культурные изменения в России в 1990-е гг. вновь актуализировали проблему преемственности и разрыва в отечественном сообществе историков. Критическое восприятие советской исторической традиции, как однородного потока идеологизированного знания, свойственное в начале 1990-х гг. ряду российских ученых, постепенно сменилось более взвешенной оценкой достижений советской историографии и признанием ее достижений. Поскольку в изучении темы земства и земской интеллигенции продолжают господствовать детерминистский и телеологический подходы к истории, которые имеют глубокие корни и органически связаны с позитивизмом, занимавшим доминирующее положение в предшествующий период развития отечественной историографии, то говорить о серьезном и глубоком разрыве между советской и новейшей историографией не приходится. Тем более что отношения между профессорами «старой» советской школы и новым поколением историков в условиях современной России пошли по традиционной для

эволюционного типа развития науки линии межпоколенческих коммуникаций: «учитель – ученик».

Интерес представляют персоналии видных исследователей истории земства и земских служащих, которые формируют научное пространство и задают тон в изучении проблем. Здесь мы должны констатировать приход на исследовательское поле земской проблематики совершенно новых «игроков» как в лице представителей «старой» советской историографии, которые в 1990-е гг. впервые обратились к изучению истории земства, так и в лице молодого поколения российских историков, чье профессиональное становление происходило в новом интеллектуальном климате.

Отсутствие глубоких исследовательских традиций по проблеме земского самоуправления привело к своеобразной историографической диффузии. На сегодняшний день практически во всех регионах, где существовали до революции земские учреждения, ведется их исследование. В то же время сложно назвать крупного ученого, вокруг которого сложилось бы объединение единомышленников, и сформировалась своя научная школа по проблеме.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы выводы и обобщения по ключевым проблемам рассматриваемой темы.

Отечественная историография земских служащих с середины 1860-х гг. и до начала XXI в. прошла сложный и противоречивый путь развития. В ней выделяется ряд этапов, отличающихся между собой по объему решаемых задач, постановкой вопросов, методологическим подходам, состоянию источниковой базы, а также специфическим принципом мышления исследователей, что оказывалось определяющим в оценке тех или иных проблем. Эти этапы тесно связаны с историей нашей страны: дореволюционный (вторая половина 1860-х – 1917 гг.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (1991 г. – начало XXI в.). При всех различиях в изучении проблемы на разных этапах их объединяет определенная преемственность, которая проявлялась в заимствовании теоретических концепций и фактического материала, наработанного в предшествующий период; в устойчивости концепта «земская интеллигенция», сформированного в народнической историографии и повлиявшего на интерпретацию истории земских служащих; в повышенном исследовательском интересе к земским учителям и врачам, чьи образы представляются одними из самых привлекательных в истории пореформенной России.

Можно выделить общие идеи, разделяемые авторами, представляющими различные периоды развития историографии. Так, отечественная историографическая линия рассматривает формирование и развитие земской интеллигенции исключительно как положительный факт. Общественный характер ее профессиональной деятельности расценивается как противовес бюрократическому началу, как наиболее успешный и эффективный способ распространить блага культуры, помочь крестьянским массам изменить сложившуюся практику социальной жизни. Такие умозаключения строятся, главным образом, на количественных показателях (росте числа земских школ, больниц, фельдшерских пунктов, положительной динамике числа земских специалистов и т.д.), а также на априорном суждении о

том, что земское управление было лучше бюрократического. При этом историки, как правило, обходят своим вниманием комплексное исследование трех ключевых проблем: степень эффективности огромных финансовых затрат земств на свою культурную политику; масштабы проникновения земских инноваций в базисные структуры повседневной жизни народа и отношение к новациям со стороны крестьян; соответствие социокультурного облика земских служащих и принятой в их среде иерархии ценностей нормам и принципам индустриального общества.

Важная тенденция изучения земства и русской интеллигенции в отечественной историографии, а в их контексте и земских служащих, заключалась и заключается в идеологизированности данной проблематики. Рассмотрение земской интеллигенции в дореволюционной литературе на основе ценностных моделей переустройства России (консервативной, либеральной, социалистической) во многом близко к оценкам земства и земских служащих различными научно-исследовательским направлениями современного периода. Эта пестрая картина создает впечатление, что идейно-тематическая борьба вокруг земств и их служащих, происходившая в начале XX в., прямо или косвенно продолжилась в конце столетия и перешла уже в XXI в.

В целом, отечественная историография с различных концептуальных и методологических позиций изучила основные профессиональные группы земских служащих, высказав разнообразные точки зрения на их роль и место в земском самоуправлении и в общественно-политической жизни регионов и страны в целом. В то же время, целый ряд проблем нуждается в дополнительном углубленном изучении. Прежде всего, это относится к исследованию характера отношений между земскими служащими и земствами. Отечественные историки склонны рассматривать эти отношения в двух плоскостях – либо противостояние на классовой и политической почве (советский вариант), либо совместная успешная деятельность на базе культуртрегерства и либерализма (современная трактовка). Однако указанные подходы не дают удовлетворительного разрешения вопроса о природе конфликтов, которые периодически возникали между земскими служащими, главным образом врачами и статистиками, с одной стороны, и земскими управами и собраниями, с другой. Изменить представления о характере таких конфликтов, возможно лишь с учетом нового осмысления природы власти и ее проявлений. В современном гуманитарном знании понимание того, что такое власть расширилось. Теперь это понятие ассоциируется не только с государством и его аппаратом, а приобрело «антропологическое измерение», включив в себя власть «знания» – экспертов-интеллектуалов, собирающих и производящих информацию. В деятельности земских специалистов, на наш взгляд, нашли проявление попытки замены цензовой и сословной власти земских собраний властью экспертов-профессионалов, опиравшихся на авторитет науки, что порождало конфликты.

Дальнейшие перспективы научного поиска по проблеме земских служащих лежат в различных плоскостях: просопографическое исследование биографий служащих с целью максимального учета данных о представителях этой социальной группы и выяснения всех обстоятельств их карьеры; изучение социокультурного облика земских агрономов и инженеров; анализ отдельных

нетипичных случаев в практике земских служащих с отказом от исследования длительных социальных процессов, поскольку парадокс, также как иррациональность приобрели право на существование в историческом анализе. Особое внимание должно быть уделено также изучению политической культуре «хозяев» земства – земских гласных, с одной стороны, и земских служащих различных специальностей – с другой. Необходимо исследовать установление культурных и политических контактов между земскими гласными и служащими, в том числе роль и значение покровительства; а также наличие устойчивых связей между земскими специалистами на местном и национальном уровне. На наш взгляд, это позволит преодолеть многие недостатки и упущения прежних лет и наметит важные и перспективные направления в исследовании проблемы.

Кроме того, следует отказаться от характеристики самодержавия как исключительно «репрессивного» института, с которым органы земского самоуправления и их служащие находились в состоянии конфронтации. Вопрос о характере их взаимоотношений может быть прояснен последующими исследованиями с новым подходом, который рассматривает историю пореформенной России, когда происходило формирование государства современного типа, и шел процесс трансформации подданных самодержавия в граждан государства.

Для изучения консервативной программы развития земского самоуправления и роли в нем земских служащих необходимо обратиться к документам делопроизводства правительственных учреждений, как центральных, так и губернских, материалам сенаторских ревизий земств, привлечь воспоминания представителей царской бюрократии, а также периодические издания консервативной направленности.

Подход к феномену земской интеллигенции с позиций социальной мифологии также может оказать помощь в «дешифровке прошлого» и вывести изучение истории земских служащих на новый научный уровень. Требуется обновления методологический аппарат исторических изысканий: использование макро- и микро-подходов новой социальной истории, семиотики; решать исследовательские проблемы необходимо средствами, привлеченными из разных сфер знания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:

1. *Чернышева, Е.В.* Феномен земской интеллигенции в отечественной историографии [Текст] / Е.В. Чернышева // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. – 2008. – № 4/5. – С. 222–228 (0,8 п.л.).
2. *Чернышева, Е.В.* Советская историография земской интеллигенции (вторая половина 50-х – конец 80-х гг.) [Текст] / Е.В. Чернышева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – Вып. 26. – 2008. – № 24 (125). – С. 142–150 (0,6 п.л.).

3. *Чернышева, Е.В.* Дореволюционная историография возникновения земской интеллигенции [Текст] / Е.В. Чернышева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История, политология, экономика. – Вып. 9. – 2009. – № 1 (56). – С. 133–139 (0,5 п.л.).
4. *Чернышева, Е.В.* Проблемы формирования земской интеллигенции в новейшей российской историографии [Текст] / Е.В. Чернышева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – Вып. 33. – 2009. – № 23 (161). – С. 99–105 (0,5 п.л.).
5. *Чернышева, Е.В.* Современные российские исследователи о социокультурном облике земской интеллигенции [Текст] / Е.В. Чернышева // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – №.1 (23). – С. 264–274 (0,8 п.л.).
6. *Чернышева, Е.В.* Проблемы взаимоотношения земской интеллигенции и власти в современной российской историографии [Текст] / Е.В. Чернышева // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2010. – № 3 (79). – С. 101–111 (0,7 п.л.).
7. *Чернышева, Е.В.* «Хроническое остолбенение». Земский служащий в зеркале русской литературы [Текст] / Е.В. Чернышева // Родина. 2010. – № 9. – С. 124–126 (0,45 п.л.).

Монография:

8. *Чернышева, Е.В.* Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии [Текст] / Е.В. Чернышева. – Челябинск: Челябинский Дом печати, 2010. – 352 с (20,5 п.л.).

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций:

9. *Чернышева, Е.В.* К вопросу о деятельности Челябинского земства в области внешкольного образования [Текст] / Е.В. Чернышева // Челябинску 260 лет. Тезисы докл. краевед. конф., посвящен. юбилею города. Челябинск: Б.и., 1997. – С. 71–74 (0,2 п.л.).
10. *Чернышева, Е.В.* История земства в России в работах Б.Б. Веселовского [Текст] / Е.В. Чернышева // Уржумка. Научный журнал Челябинского гос. пед. ун-та. 1998. – № 1. – С. 97–104 (0,5 п.л.).
11. *Чернышева, Е.В.* Меры Челябинского уездного земства в области народного образования [Текст] / Е.В. Чернышева // 75-летию Челябинск. област. краевед. музея. Тезисы докл. регион. краевед. конф., посвящен. юбилею музея. Челябинск: Б.и. 1998. – С. 123–126 (0,2 п.л.).
12. *Чернышева, Е.В.* Российское земство в работах К.Д. Кавелина [Текст] / Е.В. Чернышева // Сб. науч. ст. аспирантов и сотрудников Челябинского гос. пед. ун-та. Челябинск: ЧГПУ, 1999. – С. 44–47 (0,3 п.л.).
13. *Чернышева, Е.В.* Земское самоуправление и юридическая наука [Текст] / Е.В. Чернышева // Уржумка. Научный журнал Челябинского гос. пед. ун-та. 2000. – № 1. – С. 30–36 (0,5 п.л.).
14. *Чернышева, Е.В.* Изучение истории земства в России в период общественно-политического кризиса: 1878–1882 гг. [Текст] / Е.В. Чернышева // Уржумка. Научный журнал Челябинского гос. пед. ун-та. 2002. – № 1. – С. 174–181 (0,5 п.л.).

15. *Чернышева, Е.В.* Теории местного самоуправления в свете русской юридической науки [Текст] / Е.В. Чернышева // Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории. Сб. науч. ст. Курган: КГУ, 2002. – С. 34–41 (0,4 п.л.).
16. *Чернышева, Е.В.* История земского движения в России в творчестве М.П. Драгоманова [Текст] / Е.В. Чернышева // Диалог культур и цивилизаций. Тезисы V Всерос. науч. конф. молодых историков. Тобольск: ТГПИ. 2004. – С. 213–215 (0,2 п.л.).
17. *Чернышева, Е.В.* Земская реформа в общественной мысли России 60-х гг. XIX века [Текст] / Е.В. Чернышева // Тюменский исторический сборник. – Вып. VII. – Тюмень: «Вектор-Бук», 2004. – С. 115–125 (0,7 п.л.).
18. *Чернышева, Е.В.* Местное самоуправление в творчестве В.Ю. Скалона [Текст] / Е.В. Чернышева // Региональные модели исторического общего и профессионального образования. Восьмые Всерос. историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – С. 427–430 (0,3 п.л.).
19. *Чернышева, Е.В.* Пермское земство и краеведческое движение на Урале [Текст] / Е.В. Чернышева // Из истории Южного Урала и российских регионов: Уральские Бирюковские чтения. Сб. науч. ст. – Вып. 2. – Челябинск: ЧГПУ, 2004. – С. 43–47 (0,4 п.л.).
20. *Чернышева, Е.В.* Проблемы земского самоуправления в общественной и научной мысли России 70-х гг. XIX века [Текст] / Е.В. Чернышева // Актуальные проблемы развития отечественной истории, философии и политической науки. Международ. науч.-практ. конф. Уссурийск: УГПИ, 2004. – С. 234–247 (1 п.л.).
21. *Чернышева, Е.В.* Образ земства в творчестве уральских писателей XIX века [Текст] / Е.В. Чернышева // Мониторинг региональной модели исторического общего и профессионального образования. Девятые Всерос. историко-педагогические чтения: Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2005. – С. 220–224 (0,4 п.л.).
22. *Чернышева, Е.В.* Эволюция русской общественной мысли по земскому вопросу: проблемы периодизации [Текст] / Е.В. Чернышева // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского (25–26 февраля 2005 г.). В 2-х ч. – Ч. II. – Нижний Новгород: НГПУ, 2005. – С. 67–71 (0,4 п.л.).
23. *Чернышева, Е.В.* Оренбургское земство в оценке историка-современника В.Е. Трутовского [Текст] / Е.В. Чернышева // Война. Культура. Победа / Мат. Уральского науч. форума. – Ч. II. – Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала: V регион. науч.-практ. конф. Челябинск: ЧГАКИ, 2005. – С. 162–165 (0,3 п.л.).
24. *Чернышева, Е.В.* Земство в Сибири: к историографии вопроса [Текст] / Е.В. Чернышева // Западная Сибирь: Проблемы истории, историографии и источниковедения / Мат. окружной науч. конф., посвящен. 300-летию со дня рождения Г.Ф. Миллера. Нижневартовск: НГПИ, 2005. – С. 61–65 (0,4 п.л.).
25. *Чернышева, Е.В.* Этапы развития русской общественной мысли по проблеме земского самоуправления [Текст] / Е.В. Чернышева // Из архива тверских историков. Сб. воспомин. и науч. тр. – Вып. 5. – Тверь: ТГУ, 2005. – С. 95–111 (1 п.л.).
26. *Чернышева, Е.В.* Основные аспекты земского самоуправления в русской консервативной мысли 80-х гг. XIX в. [Текст] / Е.В. Чернышева // Современный российский консерватизм: политика, экономика, идеология, право: Сб. тезисов докл.

- и сообщен. на всерос. науч. конф. (20–21 мая 2005 г.). Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2005. – С. 47–49 (0,3 п.л.).
27. *Чернышева, Е.В.* Земское самоуправление в системе конституционных воззрений Д.И. Шаховского [Текст] / Е.В. Чернышева // Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований / VII Плехановские чтения. Мат. конф. (30 мая – 1 июня 2005 г.). СПб.: Дом Плеханова, 2005. – С. 48–50 (0,3 п.л.).
 28. *Чернышева, Е.В.* Русская интеллигенция в консервативной общественной мысли (конец XIX – начало XX в.) [Текст] / Е.В. Чернышева // XVI Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. ст. – Вып. 3: Из истории российской интеллигенции Челябинск: «Абрис», 2005. – С. 23–28 (0,5 п.л.).
 29. *Чернышева, Е.В.* Правовые аспекты организации земского самоуправления в трудах А.Д. Градовского [Текст] / Е.В. Чернышева // Юридическая наука и практика: проблемы теории и истории / Мат. первой науч.-практ. конф. Курган: КГУ, 2005. – С. 75–78 (0,3 п.л.).
 30. *Чернышева, Е.В.* Бюрократия и земское самоуправление в начале XX века: историографический эскиз [Текст] / Е.В. Чернышева // Церковь, государство и общество в истории России XX века / Мат. V Международ. науч. конф. (8–9 декабря 2005 г.). Иваново: ИвГУ, 2005. – С. 331–334 (0,3 п.л.).
 31. *Чернышева, Е.В.* Количественные методы в изучении исторических источников по проблемам земского самоуправления в России (вторая половина XIX – начала XX вв.) [Текст] / Е.В. Чернышева // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации: Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2006. – С. 297–301 (0,4 п.л.).
 32. *Чернышева, Е.В.* Социальная помощь земств населению России в освещении отечественных историков [Текст] / Е.В. Чернышева // Конкурентоспособность России и качество жизни / Мат. XXIII Международ. науч.-практ. конф. – Ч. V. – Челябинск: Уральский социально-экономический институт, 2006. – С. 194–199 (0,4 п.л.).
 33. *Чернышева, Е.В.* Земское самоуправление как объект споров в общественной мысли дореволюционной России [Текст] / Е.В. Чернышева // Тюменский исторический сборник. Вып. IX. Тюмень: «Вектор-Бук», 2006. – С. 107–116 (0,9 п.л.).
 34. *Чернышева, Е.В.* Земский вопрос в публицистике периода первой русской революции [Текст] / Е.В. Чернышева // Историк в меняющемся пространстве российской культуры. Сб. ст. / Глав. ред. Н.Н. Алеврас. Челябинск: «Каменный пояс», 2006. – С. 288–296 (0,8 п.л.).
 35. *Чернышева, Е.В.* Земские либералы о Государственной Думе: К историографии парламентаризма в России [Текст] / Е.В. Чернышева // Российский парламентаризм: история и современность / Мат. межвуз. науч. конф., посвящ. 100-летию российского парламентаризма (27 апреля 2006 г.). Екатеринбург: УрГУ, 2006. – С. 93–95 (0,3 п.л.).
 36. *Чернышева, Е.В.* Теоретико-методологические аспекты земского самоуправления в правовой мысли дооктябрьской России [Текст] / Е.В. Чернышева // Россия и мир: история и историография. Международный альманах. – Вып. 1. – Екатеринбург: УрГУ, 2006. – С. 106–111 (0,6 п.л.).
 37. *Чернышева, Е.В.* Земское самоуправление и русская мемуаристика [Текст] / Е.В. Чернышева // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2007. – № 25 (53). – С. 84–94 (0,8 п.л.).

38. *Чернышева, Е.В.* К постижению феномена земства: историографический поиск 1990-х гг. [Текст] / Е.В. Чернышева // Государство, общество и церковь в истории России XX века / Мат. VI Международ. науч. конф. (7–8 февраля 2007 г.). Иваново: ИвГУ, 2007. – С. 438–443 (0,5 п.л.).
39. *Чернышева, Е.В.* К типологии мемуарных источников (по материалам воспоминаний земских деятелей) [Текст] / Е.В. Чернышева // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества: Сб. науч. ст. В 2-х ч. – Ч. I. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – С. 275–280 (0,5 п.л.).
40. *Чернышева, Е.В.* Самосознание земского либерала (по мемуарам Н.Ф. Анненского и В.М. Хижнякова) [Текст] / Е.В. Чернышева // Историк и его эпоха / Мат. Всерос. науч.-практ. конф., посвящен. памяти проф. В.А. Данилова (24–25 апреля 2007 г.). Тюмень: ТюмГУ, 2007. – С. 209–212 (0,3 п.л.).
41. *Чернышева, Е.В.* Земское самоуправление и власть в России во второй половине XIX – начале XX века: надежды и разочарования С.Г. Пушкарева [Текст] / Е.В. Чернышева // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского: XV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. В 2-х ч. – Ч. II. – Нижний Новгород: НГПУ, 2007. – С. 35–37 (0,3 п.л.).
42. *Чернышева, Е.В.* К проблеме формирования земской интеллигенции в России: историографический аспект [Текст] / Е.В. Чернышева // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Мат. VII Международ. науч. конф. (13–14 февраля 2008 г.). Иваново: ИвГУ, 2008. – С. 316–321 (0,5 п.л.).
43. *Чернышева, Е.В.* Крестьянство и земство в изображении и оценке неонародников начала XX века [Текст] / Е.В. Чернышева // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века. Сб. ст. / Под ред. А.И. Шевелькова. В 2-х ч. – Ч. II. – Коломна: КГПИ, 2008. – С. 77–82 (0,45 п.л.).
44. *Чернышева, Е.В.* Советские историки об особенностях политической активности земской интеллигенции [Текст] / Е.В. Чернышева // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Мат. VIII Международ. науч. конф. (11–12 февраля 2009 г.). В 2-х ч. – Ч. II. – Иваново: ИвГУ, 2009. – С. 162–167 (0,5 п.л.).
45. *Чернышева, Е.В.* Социальный портрет земского интеллигента в освещении дореволюционных авторов [Текст] / Е.В. Чернышева // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20–23 апреля 2009 г.) / Под ред. А.Г. Еманова. Тюмень: Мандр и К, 2009. – С. 32–37 (0,4 п.л.).
46. *Чернышева, Е.В.* Особенности изучения земской интеллигенции в советской историографии 1920-х годов [Текст] / Е.В. Чернышева // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Сб. науч. ст. В 2-х ч. – Ч. II. – Екатеринбург: УрГПУ, 2009. – С. 348–354 (0,45 п.л.).
47. *Чернышева, Е.В.* Взаимоотношения земской интеллигенции и крестьянства: историографический аспект [Текст] / Е.В. Чернышева // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI вв. Сб. науч. ст. Коломна: КГПИ, 2009. – С. 74–79 (0,4 п.л.).
48. *Чернышева, Е.В.* Современные российские историки о формах общественной активности земских служащих [Текст] / Е.В. Чернышева // Вестник Уральского гос. ун-та физической культуры. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2010. – № 2 (2). – С. 83–87 (0,6 п.л.).

49. *Чернышева, Е.В.* Земские служащие в художественном восприятии современников [Текст] / Е.В. Чернышева // История как ценность и ценностное отношение к истории / XIV Всерос. историко-педагогич. чтения. Сб. науч. ст. В 3-х ч. – Ч. III. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010. – С. 95–102 (0,65 п.л.).
50. *Чернышева, Е.В.* Съезды и курсы земских учителей: современная интерпретация проблемы [Текст] / Е.В. Чернышева // Оптимизация учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях физической культуры / Мат. XX регион. науч.-метод. конф. Челябинск: УралГУФК, 2010. – С. 384–386 (0,3 п.л.).
51. *Чернышева, Е.В.* Социальная роль земской интеллигенции в представлении современных историков [Текст] / Е.В. Чернышева // Традиция. Духовность. Правопорядок / Мат. V Всерос. науч.-практ. конф. (21–22 мая 2010 г). Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2010. – С. 108–110 (0,3 п.л.).
52. *Чернышева, Е.В.* Советская власть и земские служащие (некоторые вопросы историографии проблемы) [Текст] / Е.В. Чернышева // Союз Советских Социалистических республик, 1922–1991 гг.: исторический тупик или перспектива исторического развития? // IX Плехановские чтения / Мат. конф. (30 мая – 1 июня 2010 г.). СПб.: Дом Плеханова, 2010. – С. 48–52 (0,3 п.л.).
53. *Чернышева, Е.В.* От врагов пролетариата к сторонникам революции: советские историки о социальной роли земской интеллигенции [Текст] / Е.В. Чернышева // Государство, общество, церковь в истории России XX века / Мат. IX Международ. науч. конф. (16–17 февраля 2011 г.). В 2-х ч. – Ч. II. – Иваново: ИвГУ, 2011. – С. 628–634 (0,65 п.л.).
54. *Чернышева, Е.В.* У истоков отечественной историографии истории земских служащих [Текст] / Е.В. Чернышева // Вестник Уральского гос. ун-та физической культуры. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. – № 1 (3). – С. 57–61 (0,7 п.л.).
55. *Чернышева, Е.В.* Чем вредна земская интеллигенция? (мнения русских консерваторов начала XX века) [Текст] / Е.В. Чернышева // Традиционные общества: неизвестное прошлое / Мат. VII Международ. науч.-практ. конф. (25–26 апреля 2011 г.). Челябинск: ЗАО «Цицера», 2011. – С. 138–141 (0,3 п.л.).
56. *Чернышева, Е.В.* «Пасынки земства»: дореволюционные авторы о социальном облике и профессиональной деятельности земских фельдшеров [Текст] / Е.В. Чернышева // Личность в истории: теоретико-методологические и методические аспекты / XV Всерос. историко-педагогич. чтения. Сб. науч. ст. В 2-х ч. – Ч. I. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – С. 348–354 (0,65 п.л.).